

Валентин Егоров

Море и Берег Сага о Скаре

Книга вторая

18+

Егоров Александрович

**Море и берег. Сага о
Скаре. Книга вторая**

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Александрович Е. В.

Море и берег. Сага о Скаре. Книга вторая /
Е. В. Александрович — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Планета Тринидад в созвездии Желтого Карлика - одна из немногих планет нашей галактики Млечный путь, где все еще сохраняется магия. Один из нас случайно оказывается на этой планете. Причем этот человек не имеет ни малейшего представления о том, каким образом и почему он оказывается на этой планете. На ней живут такие же как и он люди, в своей жизни они думают и поступают, как все нормальные люди. Вот только жители Тринидада довольно-таки осторожно воспринимают себе подобных, владеющих искусством магии! Да и к тому же наш герой вдруг оказывается вовлечен в борьбу за власть на этой планете.

Глава 1

1

Мое сердце защемило от боли при виде того, во что красавица бирема «Весенняя Ласточка» превратилась после боя с безумным магом. В данный момент она мало чем напоминала саму же себя, ту прежнюю красавицу бирему, так любившую летать по океанским волнам, едва касаясь одних только вершушек океанских волн! Всего лишь пару дней тому назад она, подобно чайкам, изящно парила над океанскими просторами Внутреннего океана Тринидада. В такие минуты бирема мне чем-то напоминала приму-балерину, выступающую с сольной партией на театральной сцене. Порой мне казалось, что «Весенняя Ласточка» была способна исполнять свое собственное фуэте на океанских просторах с тем, чтобы мы ею еще больше бы восхищались!

Сейчас же на меня со скрытым укором посматривала древняя старуха, покалеченная жизнью, травмированная океанскими волнами и едва ли не в пух и прах измочаленная файерболами сумасшедшего мага! Внутри я не испытывал ни малейшего желания снова и снова рассматривать полученные ею травмы и повреждения, но был вынужден этим заниматься, так как нужно было решать вопрос с ее срочным ремонтом. В данный момент бирема «Весенняя Ласточка» была пришвартована к причальной стенке ремонтной верфи небольшого портового приморского городка под названием Валенсия. Моя любовь, моя бирема тихо и, как мне показалось, грустно и печально покачивалась на остатках океанских волнах, добежавших до берега. Она сейчас мне напоминала падчерицу Золушку, одетая не в платье, а в какое-то непонятное рубище. В свое время жила такая красивая девчонка с веснушками по всему лицу, не сумевшая ужиться с приемной матерью и зимой мачеха ее выгнала из дома на морозную улицу!

Сразу же по нашему прибытию в Валенсию, наш старый экипаж едва ли не полным составе покинул борт «Весенней Ласточки». На берег сошли и палубные матросы, и гребцы-весельщики, недавние рабы, закованные в кандалы и работавшие веслами на биреме. Сейчас всего лишь два человека оставались на ее борту, это был я сам, а также мой старший помощник Борг. В недавнем прошлом мы с ним тоже были рабами и работали напарниками на одном весле, тогда у нас обоих на шеях болтались рабские ошейники.

На сушу и на океан давно уже опустился вечерний сумрак. На борту опустевшего судна мне со старпомом совершенно было нечем заняться. Дел на биреме, в принципе, была чертова куча, но в связи с полным нежеланием членов экипажа работать, мы с Боргом решили – сначала отремонтировать судно, а затем набрать новый экипаж, который будет в полной мере нам подчиняться.

Сейчас же с тем, чтобы убить время я Боргу предложил еще раз пройтись по биреме и осмотреть и попытаться оценить стоимость предстоящего ремонта биремы. Мне хотелось окончательно определиться с объемом ее ремонта и, наконец-то, выйти на примерную стоимость предстоящего ремонта биремы. Хотя, если уж вам честно в этом признаваться, то денег на ее ремонт биремы у нас в данный момент попросту не было! Борг, нехотя выслушал это мое предложение, и с еще большей неохотой поплелся вслед за мной по верхней палубе биремы.

В душе я хорошо понимал это нежелание моего старпома меня сопровождать, кому это было бы нужно, чтобы снова и снова рассматривать одни те же повреждения и пробоины в бортах биремы. За один только этот день мы их осматривали и руками ощупывали уже не менее десяти раз. И каждый раз мы оба единодушно приходили к единому мнению о том, что «Весенняя Ласточка» нуждается в срочном и в капитальном ремонте. Но каждый раз мы упирались в одну и ту же проблему, где нам достать столько деньжищ на ее ремонт?! Борг прилагал отчаянные усилия, избегая встреч со мной, не желая снова и снова обсуждать эти проблемы, при этом он каждый раз как-то странно и хитренько на меня поглядывал. В такие

моменты мне казалось, что старпом прекрасно знает ответ на все эти вопросы и вел себя так, словно мне достать деньги на ремонт биремы вообще не является проблемой!

Да и ко всему этому я всей своей душой ощущал, как мой старпом Борг испускает флюиды дикого желания меня послать к черту, сойти на берег и с головой окунуться в пьяный разгул на берегу. Ему совершенно не хотелось еще один вечер проводить в моей компании. Его мысли и душа уже давным-давно покинули борт биремы и находились в одном из портовых кабаков. Ведь, недаром же двое старших матросов, правда, они только что стали этими старшими матросам, благодаря приказу старпома, сейчас крутились на причале стенке неподалеку от биремы.

Я же тоже был простым человеком, поэтому хорошо понимал, с какой именно целью экипаж покинул бирему практически в полном составе. Разумеется, для того, чтобы в портовых кабаках забыть о вчерашнем ужасе боя с безумным магом, отвести душу после многих дней плавания в океане.

По этой причине молодые парни с моим золотом в карманах сошли на берег, чтобы хорошо погулять и напиться, а также пару часиков провести с жрицами свободной любви! Конечно, я хорошо понимал, что, отпуская этих молодых парней на берег, многие из них не вернутся обратно на борт биремы. Правда, должен был бы честно признаться в том, что это решение я принял под сильнейшим давлением старпома Борга. Я особо не верил в том, что в Валенсии нам удастся набрать новый экипаж биремы, поэтому матросов старого экипажа хотел бы удержать на ее борту.

Старпом Борг меня практически заставил изменить свое мнение по этому вопросу. И как итог этого давления, весь поголовно экипаж «Весенней Ласточки», словно сорвавшись с цепи, сошел на берег и сейчас пьет беспробудно и предается плотским утехам. Мы же с Боргом, подобно лунатикам, бродим по верхней палубе биремы. Меня же постоянно тянуло на беседу с ним о плачевном состоянии нашей биремы. Борг же от меня, от этой беседы со мной отделялся краткими и односложными ответами или, честно говоря, простыми отговорками. По всему выходило, что душа у старпома не лежала ни к осмотру биремы, ни к разговору со мной!

Тогда я впервые почувствовал некое ущемление со стороны своей совести, что, возможно, мне стоило бы и своего старпома спустить с цепи, предоставить ему возможность немного времени повеселиться на берегу. Затем я с него мог бы три кожи спустить, требуя на борту установить железный шкиперский закон и порядок. К тому же эти двое бедолаг на причальной стенке все еще продолжали маячить поблизости от биремы. К этому времени совсем стемнело, улицы Валенсии погрузились в сплошную темноту. Только изредка в городе можно было заметить горящий фонарный столб. Но их во всем городе было настолько мало, что мне порой казалось, что Валенсия попросту утонула в ночной черноте.

Мне понравилось то, что старпом Борг оказался далеко не нытиком, он стойко и молча переносил все лишения работы и общения со мной. За все время нашего бессмысленного времяпрепровождения, расхаживая по палубе биреме, он ни единым словом не выразил своего негодования по этому поводу. Ни единым словом не обмолвился по поводу того, что этот вечер он мог бы провести с бесплатной выпивкой, что со мной он лишь попусту теряет свое время. Мы оба вместе уже не один только раз проходили по всей биреме, осматривая и ощупывая ее повреждения.

Тем не менее, я, словно лунатик, только с факелом в руках продолжал бродить по палубе, порой спускался на нижнюю палубу, осматривая трюмы и выявляя повреждения. Не раз подходил к покореженной магом главной мачте биремы, чтобы пальцем попытаться выколупать из нее осколки фэйрболов, пытаясь определить стоит ли или не стоит ставить новую мачту. Порой из-за всех обнаруженных повреждений в биреме, мне хотелось поднять голову и волком

повыть на Луну, или же попросту заплакать из-за своего бессилия тотчас же начать ремонт своего же судна!

Корпус биремы находился в более чем плачевном состоянии. Биреме требовалось самым срочным образом заменить несколько шпангоутов, чтобы избавиться от сильной течи в ее корпусе. Особенно сильно бирема подтекала в корме и в носовой части. Нижний трюм на данный момент был практически затоплен. Когда я с Боргом по нему проходил, то порой нам приходилось шагать по колено в воде! Вода в трюме поднялась настолько высоко, что в некоторых местах она плескалась гораздо выше настила, на который укладывали груз. В трюме из-за высокой сырости не загорался ни один факел, так что по нему мне с Боргом пришлось ходить наощупь в полной темноте. Темнота была настолько черной, что в ней ничего не было возможности рассмотреть. Поэту мы с Боргом там бродили, держа друг друга за руки, и опять-таки своими руками прощупывая свой путь по трюму.

Да и на верхней палубе биремы, как я уже говорил, не все было в полном порядке. Палуба, по-прежнему, оставалась заваленной рваными кусками парусины, щепой от мачт и вдребезги расколотых деревянных деталей, концами матерчатых канатов и всяким житейском барахлом. Палубные матросы несколько раз занимались ее приборкой, но несмотря на их усилия, она все еще оставалась сильно захламленной. Особенно опасной для оказалась эта щепка, разбросанная повсюду. Проходя по палубе, я в любой момент мог порезать или поранить свои босые ноги. В этой связи мне своей магией пришлось бронировать кожу подошв своих ног. С реи главной мачты едва ли не до самой палубы свисали рваные куски парусины ярко желтой окраски. Слабый морской бриз, задувавший с океана, медленно их раскачивал, словно тем самым старался убажывать, убаюкать нашу бирему в знак своей вины за причиненные повреждения и за беспокойство.

По сию пору я не могу понять, как на таких останках паруса нам удалось доползти до Валенсии, на такой израненной и сильно поврежденной биреме?! Такелаж, сам парус и его оснастка по ходу боя превратились в обрывки, в огрызки парусины, веревок и канатов. Вся веревочная система подъема и спуска паруса была разрушена и сожжена магическими файерболом. Мне опять-таки было непонятно, как вчера палубным матросам удавалось и не раз, и не два по таким обрывкам взбираться на рею, чтобы поднять или спустить останки паруса?!

В обшивке правого борта биремы хорошо просматривались несколько больших пробоин. Вчера этой стороной бирема была развернута к берегу, по этой причине этому борту биремы больше всего досталось от безумного мага! Он прямо-таки изошрялся, пуляя свои бесконечные файерболы по биреме! Причем, многие пробоины в корпусе биремы по правому борту оказались ниже ватерлинии. Я до сих пор не могу понять, как такое вообще могло произойти?! Ведь файерболы мага при соприкосновении с водой должны были бы гаснуть, терять свою пробивную силу!

Вчера «Весенняя Ласточка», направляясь в Валенсию, не пошла ко дну океана только по одной причине. Она не утонула, так как сама была простой деревяшкой. К тому же на ее борту было не так уж много груза.

Итак, все повреждения биремы говорили об одном, что ей пришлось побывать в очень серьезной переделке, но это суденышко само сумело сохранить себе жизнь и нам, своему экипажу, тоже! Хорошо, что богиня Фортуна вчера благоволила ей и нам, всему экипажу, благодаря всему этому мы все и спаслись! Если бы Фортуна нам не благоволила бы, то мы не сумели бы на этом обломке, а не на судне, доползти до Валенсии! Таким образом, «Весенняя Ласточка» не сгорела от файерболов безумного мага, она не пошла ко дну во время нашего океанского перехода, вернее, было бы сказать во время нашего бегства с поля боя с магом-безумцем. Так что сохранение нашей биремы и то, что она все еще оставалась наплаву, можно было бы считать истинным подарком судьбы!

Снова пройдя по палубе бирему от полубака до юта, я старпома Борга слегка попридержал на юте. Мне снова захотелось узнать его мнение в отношении того, во сколько же нам все же обойдется ее ремонт?! Мне, как и всем другим только ставшими владельцам морских судов, очень бы не хотелось оказаться обманутым при составлении ремонтной сметы расходов. Мне также не хотелось обращаться к незнакомым владельцам морских верфей с просьбой об ее ремонте, предварительно не узнав реальную стоимость такого ремонта. В тоже самое время мне бы очень хотелось, не откладывая в долгий ящик, как можно быстрее, начать ремонт «Весенней Ласточки». В тот момент я почему-то решил, что было уже слишком поздно отправляться в город на поиски владельцев ремонтных верфей, чтобы с ними начать переговоры о ремонте своего судна.

В этот момент я вспомнил и том, как незадолго до этого я со своим старпомом едва не подрался, обсуждая с ним простейший вопрос. Как нам избежать поголовной пьянки членов экипажа биремы, что мы должны сделать для того, чтобы они не тратили бы золотые флорины на алкоголь и вина, а также на женщин во время своей увольнительной на берег?! Когда я Боргу предложить вообще отменить увольнительные и никого из членов экипажа не отпускать в город, то Борг на меня посмотрел, как на редкого идиота, а затем гневно сказал:

– Ты, Скар, что с ума сошел, несешь подобную несуразицу. Мы не имеем никакого права кого-либо из экипажа ограничивать в свободе выбора, или им что-либо запрещать?! Они сами, а не мы с тобой, решат идти ли им или не идти в увольнительную. Я же вообще не вижу какой-либо проблемы в том, чтобы на берег сошли все наши матросы и весельщики! Мы – моряки все поголовно свободные люди! И каждый из нас вправе делать все то, что нашей душе заблагорассудится!

– Слушай, Борг, с каких это пор ты самого себя считаешь бывалым моряком, если в море всего лишь два раза купался! Почему бы тебе не прислушаться ко всему тому, о чем я тебе только что рассказал!

– Борг, разве что мы с тобой не должны принять меры в том, чтобы наши люди зря не погибали бы из-за золота в своих карманах! Мы с тобой можем их спасти, не пустив на берег или выделив им охрану, давая увольнительную!

– Скар, порой я не понимаю, что с тобой происходит? Очень похоже на то, что ты считаешься только со своим собственным мнением! Отказываешься и не желаешь прислушиваться к моему или ко мнениям других матросов нашего экипажа! Мне понятно, что на «Весенней Ласточке» ты хочешь установить свои собственные порядки! Так в этом случае ты должен понимать и принять то, что после ужасов, страхов вчерашнего боя с магом-безумцем наш экипаж тебе перестал подчиниться! Для того, чтобы вновь восстановить порядок и дисциплину на биреме, мы с тобой должны этим парням предоставить возможность расслабиться, потратить все деньги. Это им позволит хотя бы на короткое время разрядиться, позабыть обо всех вчерашних ужасах! Потратив свои флорины, эти парни снова станут нормальными людьми. Тогда мы с ними можем делать все, что нам не захочется! – Размахивая руками у моего лица, Борг громким голосом попросту на меня орал.

– Старпом Борг, прекрати делать свои анархистские заявления, прекрати лозунгами о культе личности дурить мне голову! Ты, что, старпом, не понимаешь, что я хочу тебе сказать о том, что за сегодня и за завтра в пьяных драках и разборках погибнет двенадцать человек! К великому моему сожалению, всем им не исполнилось еще и двадцати лет! Мы этих парней смогли бы уберечь, спасти от смерти, не дав им увольнительные! – Я же продолжал стоять на своем, всей силой и мощью своей мысли пытаюсь Борга вразумить.

– Нет, Скар, это ты меня не хочешь понимать! Все время беспрестанно повторяешь о том, что или сегодня, или завтра кто-то должен будет умереть! Первое, что я тебе на это хочу сказать, что все люди смертны, одни умирают, прожив очень короткую жизнь, другие тоже умирают – прожив долгую жизнь! Этим я хочу тебе пояснить одну простую вещь, но ты ведь

не желаешь меня даже выслушать! Ты только пойми, что сегодня двести матросов и двести весельщиков себя почувствуют свободными людьми! Все они горят только одним желанием свои честно заработанные флорины потратить на берегу! И только ты, Скар, один из всех нас знаешь, благодаря своему магическому дару, кто из нас навсегда останется на берегу, или кто из нас вернется на бирему! Скар, ты мне уж поверь, что в данный момент всем этим парням наплевать на то, что с ними будет происходить после того, как они напьются в стельку на берегу! Они – свободные люди, и они сами решают свою судьбу, жить ли им или умереть! Тебе в это дело нечего соваться, ты пока еще не стал для нас богом!

В подобных спорах и перепалках со своим старшим помощником во мне росло понимание к его делам и уважение к его мнению, не зря же он стал моим старшим помощником! Как мне порой самому казалось, подобное происходило и с ним самим, Борг начал меня понимать и уважать! Сегодняшний дневной спор со старпомом закончился его словами, которые я понял. И мне они очень понравились.

– Очень похоже на то, Скар, что весь наш спор произошел из-за того, что тебя беспокоит вопрос о том, как к нам в дальнейшем будут относиться горожане Валенсии? По выражению твоего лица я хорошо вижу, что и в этом вопросе ты меня не совсем хорошо понимаешь! Ну, что ж, тогда мне придется попытаться тебе все объяснить более простым языком! Итак, тебе хотелось бы знать, как мы сами можем повлиять на мнение горожан о самих себе! Могу тебе сразу же дать ответ, что в этом деле большую роль сыграют те самые золотые флорины, которые ты только вчера выплатил всем нашим матросам и весельщикам! Получив такое большое количества золота на руки, наши парни сделают все возможное, чтобы от него сразу же избавиться! Надеюсь, что теперь ты и сам понимаешь, что единственное, что они с этими золотыми флоринами могут сделать, так это побыстрее их промотать в портовых кабаках, пропить на берегу! Подобным образом издревле поступали все матросы и моряки, сходя на берег после долгого плавания в океане! Вот и наши парни так сильно рвались на берег, потому что они хотели, как можно быстрее, от своего золота избавиться! В течение двух дней увольнительной они твоими золотыми флоринами, Скар, попросту будут разбрасываться, посещая портовые и городские таверны и трактиры. Там они будут пить самую дорогую выпивку и еду, оплачивать самих дорогих проституток во всей Валенсии! В конечном итоге, город Валенсия получит все твое золото! Ты, Скар, только прикинь, сколько золота после загула наших матросов и весельщиков останется в этом провинциальном городишке?! Его количество будет уму непостижимо, никогда ранее этот портовый городишко не наваривал столько прибыли на простых моряках!

– Иными словами, так или иначе, но горожане будут нам благодарны за такой пьяный разгул, оплаченный таким большим количеством золотых флоринов! Уже завтра по всему городу начнут распространяться слухи о тебе, Скар, как о богатейшем в мире шкипере биремы «Весенняя Ласточка»! Так что, парень, поверь моим словам, городской люд вскоре к нам валом повалит наниматься на работу на биреме! Сегодня для простого люда настали смутные и тяжелые времена, люди хотят иметь хорошую и постоянную работу. Ты понимаешь, Скар, что с этими людьми будет происходить, когда за работу ты им будешь платить золотыми флоринами!

Старпом Борг высказал вполне разумную мысль, я даже немного успокоился и уже не так остро воспринимал возможно разгульное поведение, правда, уже не совсем наших матросов и весельщиков на улицах и в кабаках Валенсии. Должен вам откровенно признаться в том, что в глубине души я был очень доволен работой старпома и своей с ним дружбой!

В тот момент я, вероятно, слишком уж сильно расслабился, своей мыслью я Боргу дал понять, что был бы не против того, чтобы и он сутки пробел бы на берегу.

Никогда в своей жизни я не видел того, чтобы человек так по-обезьяньи прыгал! Старпом Борг, практически не отталкиваясь ногами от палубы, мгновенно прямо с юта сиганул за борт бирему. Этот свой прыжок он совершил так быстро, что я не успел даже мысленно этому удивиться и ему сообщить, что завтра хочу его увидеть с утренней зарей.

Приземлившись на причальной стенке, старпом тут же превратился в тень и вместе с обоими ожидавшими его матросами мгновенно пропал из моего поля зрения.

2

Утром следующего дня я проснулся очень рано, еще до восхода жаркого Желтого Карлика. Неторопливо позавтракал высококалорийным рабским завтраком. Вот уже в течение двух лет им меня регулярно кормили. Его мне предлагали, как только Желтый Карлик начинал карабкаться на небосвод. Я настолько привык к подобному регулярному питанию, что от этого завтрака пока еще не в силах был отказаться. Он мне не доставлял особо большого удовлетворения, но был калорийным и питательным!

После завтрака я немного полюбовался восходом Желтого Карлика. Затеем с глубоким любопытством понаблюдал, как на причале некая троица молодых парней предпринимает отчаянные усилия по сходням взойти на борт «Весенней Ласточки». По всей видимости, если судить по их зеленым лицам, то эти трое парней были очень больными людьми, у них ничего не получалось с координацией отдельных частей тела. К тому же они потеряли способность голосом общаться между собой. Они постоянно падали и не получали должной поддержки со стороны своих же друзей. Все трое по очереди пытались вступить на сходни, чтобы подняться на борт биремы, но у них ноги почему-то промахивались и на сходни никак не попадали.

Очевидно, эти сходни для них почему-то оказались слишком уж узкими, поэтому они никак не могли свои ноги на них поставить, эти их ноги то и дело промахивались мимо сходен. Эта великолепная троица своими ногами творила такие чудеса и пируэты, что у меня порой аж замирало сердце. Наблюдая за этими тремя матросиками, я думал о том, что Борг вчера меня, видимо, не услышал, поэтому не знает о нашей запланированной встрече на заре, он пока еще на борту биремы не объявился.

Когда мне надоело любоваться восходом Желтого Карлика, то я присел на одну из бухт матерчатого каната. И через некоторое общая усталость взяло свое, видимо, я задремал под жарким Желтым Карликом. Когда я проснулся и открыл глаза, посмотрел на сходни, то сразу же убедился в том, что народ не зря всех моряков считает весьма удачливыми людьми. Вот и та троица матросиков, в стельку пьяными по сходням пытавшиеся взобраться борт биремы, сейчас похрапывала почти у меня в ногах. Они спали, вольготно расположившись рядом с горловиной спуска на нижнюю палубу, так и не испугавшись в океане.

Я удивился везению этих парней, если кто-нибудь из них сделал бы еще полшага, то он обязательно свалился бы через горловину на нижнюю палубу и, наверняка, сломал свою шею! Но Всевышний их, видимо, всем сердцем полюбил и помиловал, он всех троих усыпил всего лишь в полушаге от своей смерти!

В этот момент мои наблюдения были нарушены песней, приятная мелодия и красивые слова до моего слуха донеслась с соседнего пирса. Из-за любопытства я даже поднялся на ноги и, стороной обходя пьяную, но очень удачливую троицу матросов, я вышел на самый край борта биремы. И при этом едва не свалился за ее борт, так как палубные матросы поленились поднять и установить палубные леера. Слишком уж поспешно вчера все ребята покидали бирему, они хотелось выпить, про свою работу они напрочь успели забыть. Вот и леера не установили.

Стоя на самом краю палубы биремы, я смог разглядеть, как на соседнем пирсе две бригады валенсийских докеров разгружали два парусных зерновоза. К каждому зерновозу были выложены по две пары широких сходен. По одним сходням докеры с мешками зерна на спинах спускались на причал. Там они свои пятидесятикилограммовые мешки с зерном аккуратно укладывали на телеги, аккуратными штабелями. По другим сходням те же докеры, но уже без мешков с зерном, легкой трусцой поднимались на палубу зерновоза. К этому времени на причале выстроился большой обоз из крестьянских телег. По мере того, как телега загружалась мешками с зерном, она тут же сменялась другой телегой.

Честно говоря, мне понравились, как споро и ловко работали валенсийские докеры. При этом докеры успевали шутить и переговариваться между собой. Да и со здоровьем у них все было в полном порядке. Они выглядели крепкими и здоровыми мужиками, пятидесятикилограммовые мешки с зерном у них так и порхали в руках.

Мне эта картина, видимо, так понравилась, что в моей голове вдруг родилась одна очень интересная мыслишка. Я подумал о том, почему бы мне прямо сейчас не переговорить бы с этими докерами, почему бы им не предложить на нашей биреме поработать гребцами весельщиками. Заодно мы их подучим солдатскому ремеслу! Тогда в нашем экипаже появятся не просто гребцы весельщики, а, скажем, морские пехотинцы! Таким подходом можно было решить вторую серьезную проблему, ребром стоявшую перед мной и Боргом, кем можно было заменить прежних гребцов весельщиков?!

Я и сам в полной мере испытал тяжелый рабский труд гребца весельщика, поэтому не понаслышке знал, что он собой представляет. Два года не мог ни на шаг отойти от своего весла. Два года я страдал от полной безысходности своей рабской жизни. По этой причине я был уверен в том, что никто из моих бывших коллег никогда не вернется обратно на бирему, чтобы снова, даже свободным человеком, взяться за весло. Слишком уж много жизненных сил они отдали этому рабскому труду! Времени пребывания в рабстве им вполне хватило для того, чтобы осознать, что в своей дальнейшей жизни они без этого тяжелого, рабского труда обойдутся!

Идея, вдруг появившаяся в моей голове, как бы предлагала простейший выход из этого тяжелого положения, в котором мы все шкиперы оказались, имея дело с рабами весельщиками. Если мне, а значит и им удастся на плечи весельщиков возложить еще выполнение обязанностей охранников судна, то ситуация в целом сильно упрощалась. Во время плавания судов по океану, морские пехотинцы будут работать веслами. Когда же в океане появится враг и начнет преследовать. Когда этот враг попытается захватить судно, то гребцы весельщики возьмутся за оружие. Они окажут вооруженное сопротивление всем вражеским попыткам захватить судно и его груз.

Эта мысль, как только она сформировалась в моей голове, сначала она мне показалась несбыточной мыслью-мечтой. Но она стала превращаться в реальность по мере того, как я наблюдал за дружной и веселой работой валенсийских докеров по разгрузке обоих зерновозов.

По всей очевидности, я слишком уж углубился в эти свои мысли и в рассматривание того, как работают докеры, поэтому не услышал того, как кто-то за моей спиной начал осторожно похекивать, словно мое внимание пытался привлечь к себе. Всем своим телом с напрягшимися мускулами я развернулся к этому кто-то, но тут же расслабился. Я все-таки ошибался, полагая, что кроме меня и трех пьяных матросов на «Весенней Ласточке» никого не было. Передо мной стоял молодой человек в аккуратной заплатанной фуфайке и в широких, полотняных матросских штанах. Но я обратил внимание не на его внешность или на его одежду, меня до глубины души поразило глаза! Они выражали полную безысходность и безграничную тоску! От этого взгляда у меня тут же начало портиться настроение.

С большим трудом в этом человеке я узнал корабельного доктора. Из всех членов прежнего экипажа «Весенней Ласточки», он был единственным человеком, который выразил мне симпатию и сочувствие, помог мне пережить махмудовскую порку кнутом. Но с того времени прошло чуть меньше трех лет, но тем не менее передо мной сейчас стоял корабельный доктор биремы «Весенняя Ласточка».

– Капитан Скар, не будет ли у вас свободной минутки со мной пообщаться по личному вопросу? – Не менее тоскливым тоном голоса корабельный доктор обратился ко мне.

Я же лихорадочно попытался вспомнить его имя, но сразу же понял, что мне вряд ли это удастся сделать. Ведь последний раз мы друг с другом встречались почти три года тому назад,

с тех пор мы и словом не обменялись между собой. Позже из своей каморки я мог наблюдать за тем, как он проходит по палубе или как он общается с кем-то из матросов.

Корабельный доктор, принимая мое затянувшееся молчание, как знак согласия на разговор, вдруг произнес:

– В свое время, господин капитан, вы мне обещали помочь в решении личных проблем! Может быть, господин капитан, сегодня мы могли бы продолжить тот наш разговор?! В данный момент на биреме нет никого, кроме нас двоих, так что нам никто не сможет помешать.

– Хорошо, господин доктор, почему бы нам и не поговорить! – Немного подумав, я согласился на разговор с корабельным доктором. – Давайте, переберемся на полубак, к мачте поближе и там поговорим.

Корабельный доктор вполне нормально воспринял мою мыслеречь. Главное, он все понял, что я хотел бы ему внушить своими мыслями. Так что мы оба отправились на полубак биремы. Спустившись с юта, мы прошли к главной мачте, там сдвинули вместе две бухты матерчатого канала, на них присели. Уже сидя на бухте каната, я внимательно осмотрелся вокруг нас, палуба вокруг мачты была заставлена аккуратными тюками. Видимо, в этих тюках бывший шкипер перевозил какой-то товар. Одновременно я мысленно черкнул в своей памяти, по возвращению старпома Борга на бирему попросить его проверить, что за товар мог бы храниться в этих тюках. После чего я опять-таки мыслеречью снова обратился к доктору:

– В принципе, господин доктор, я и сам хотел бы с тобой пообщаться. Но мне было как бы несколько неудобно беседовать с человеком, имени которого я не помню. Почему бы тебе не назвать своего имени, почему тебе мне не рассказать бы о своих родителях, своей семье, кем мечтал стать в своем будущем и кем ты стал на деле? Эта информация мне поможет решить твою личную проблему!

Но на этот раз доктор, похоже не распознал моей мыслеречи, он мне так и не представился, а сразу же заговорил о своем детстве и о своих родителях.

– Господин капитан, полагаю, что свой рассказ я должен начать с того момента, когда появился на свет божий! Мой отец был уже в годах, когда взял в жены одну совсем молоденькую девчонку, не очень знатного происхождения! Незадолго до замужества моей маме исполнилось всего лишь восемнадцать лет! Ее отец, мой дед, был разорившимся дворянином, дочери составляли все его богатство! Мой дед от своего отца унаследовал довольно-таки много денег и поместий, но дед все это богатство растранил еще в молодости. Слишком уж он самого себя побаловать игрой в карты в аристократических клубах! Моя мама только по настоянию деда согласилась выйти замуж за очень богатого, очень знатного, но и очень старого герцога! Следует обязательно упомянуть, что она вышла замуж не по любви! Ровно через год после свадьбы она своего мужа порадовала рождением сына! Одним словом, я стал первым ребенком этого престарелого герцога, но мне не исполнилось и года, как я лишился своей мамы и стал сиротой!

Мы оба продолжали сидеть на бухтах каната, я внимательно слушал рассказ молодого герцога, почему-то ставшего корабельным врачом. Со своего нового места я мог наблюдать только за тем, что происходило на причале, к которому наша бирема была пришвартована. В столь раннее утро наш причал пока еще оставался совершенно безлюдным. Сидя на этой бухте каната, я обязательно увидел бы людей, решивших посетить бирему. Но пока таких желающих не было.

Тем временем корабельный доктор и герцог в одном лице продолжал довольно-таки грустное повествование о самом же себе.

– Таким образом, господин капитан, безвременная смерть моей мамы и меня превратила в полного неудачника по жизни! Ровно через месяц после своего рождения я лишился своей мамы! В замужестве она, по-прежнему, оставалась одинокой женщиной. Отец был всегда по горло был занят своей работой на короля и своими делами, своей молодой жене он не уделял

должного внимания. И тогда моя мала увлекалась верховой ездой, она стала много времени проводить в конюшни поместья! Отец ей подарил трехлетку жеребца единорога. На нем мама стала проводить много времени, любила на нем скакать по полям, кругами объезжая территорию всего поместья! Однажды во время своего очередного посещения конюшни мама слишком близко подошла к стойлу своего любимца, трехлетнего жеребца единорога, чтобы его с руки покормить куском вкусного белого хлеба. По неизвестной причине этот стригунок вдруг взбесился, он поднялся на дыбы и передними лапами ее ударил в грудь! От полученного удара мама скончалась прямо у его стойла, ее любимый верховой единорог убил свою наездницу!

Видимо, молодой герцог очень сильно переживал, рассказывая о смерти своей матери. Он даже сделал паузу, поднялся на ноги и прошел к краю палубы. Несколько мгновений он как бы всматривался в океанские просторы, стараясь незаметно для меня рукой смахнуть слезу из своих глаз. Затем он вернулся на свое прежнее место, чтобы продолжить рассказ о своих жизненных невзгодах и о неудачах.

– Сразу же после похорон вдруг выясняется, что мой отец, несмотря на свой престарелый возраст, мою маму страстно и горячо любил! Но он почему-то меня посчитал основным виновником в ее бессмысленной смерти! Отец решил, что единорог убил его жену, мою маму, из-за своей дикой ревности ко мне! Чувств несусветная, как трехлетка единорог мог так меня, месячного младенца, возненавидеть, чтобы поднять свои лапы на молодую женщину?!

Только в этот момент до моего понимания дошла суть трагедии, разыгравшейся с этим молодым парнем, когда он был совсем младенцем и ничего не понимал, что происходит вокруг него. Столь неожиданная и необычная смерть матери, да еще во времена, когда они оба только-только входили во вкус жизни – была действительно страшной жизненной трагедией! По моему мнению, она должна была бы в той или иной степени сказаться и на формировании характера этого молодого герцога! Мне стало понятным, почему его глаза на окружающий мир всегда смотрели с такой тоской!

– После смерти мамы я, как ребенок, вообще перестал существовать для отца! Он начал прилагать максимум усилий для того, чтобы от меня избавиться! По крайней мере, ему не хотелось меня видеть и со мной постоянно сталкиваться в своем доме. Для начала он меня отправил к своим дальним родственникам! Я стал жить на далекой чужбине, так и не успев почувствовать всех прелестей и радостей своего детства, родительской любви и материнской нежности! Судьба одним махом меня лишила матери и отца! Мое детство и отрочество стало проходить под строгим, неусыпным и почти под тюремным надзором дальних родственников отца! Они ни на секунду с меня не спускали своих глаз! Они мне не разрешали даже сделать шаг за порог своего дома, когда мне так хотелось погулять в саду! Помимо Библии, для чтения мне не разрешалось иметь каких-либо других книг! Мне категорически запрещали учиться в общей школе, так что мне пришлось расти без школьных друзей и полным неучем! Сегодня я могу наизусть повторить, не запинаясь, едва ли не весь текст Библии! По крайней мере, могу на память процитировать любую главу этой вечной книги! Но знание наизусть Библии меня так и не сделало набожным человеком!

На этом отрезке рассказа герцога я почему-то вдруг подумал о том, что этот его рассказ о своем детстве и об отрочестве мне чем-то напоминает о годах, проведенных в рабском ошейнике за веслом биремы «Весенняя Ласточка». Как и доктор, я тогда дико тосковал о свободе, о возможности жить полной жизнью, только самому решать, чем хочу заниматься чему мне следует посвятить свою жизнь?! Такая мысль столь внезапно появилась в моей голове, что я едва сдержался, чтобы не прекратить этот никому не нужный разговор с корабельным доктором. Так как в данный момент я вряд ли бы смог ему чем-либо помочь, я же не маг и не кудесник, так что вряд ли смог бы воскресить его мать!

Мне все же удалось сдержаться, в основной из-за простой вежливости и такта я продолжил выслушивать его рассказ.

– Когда я достиг совершеннолетия, то сдал вступительные экзамены в Академию Искусств в городе Сана, в столице Восточной Империи! Но учиться в Академии мне отец не разрешил, посчитав, что сын герцога не имеет права быть рисовальщиком. Я же решил пойти по этой стезе только потому, что мне очень хотелось нарисовать лицо своей матери, которую я никогда не видел! Но отец и все его родственники выступили категорически против этих моих намерений. Они меня поставили перед выбором – стать или адвокатом, или врачом. Я выбрал профессию врача, стал учиться на хирурга, так как надеялся, что, получив эту специальность, я смогу навсегда покинуть дом своего отца и его родственников! Завершив учебу в медицинской академии, меня снова поставили перед выбором. Я должен был навсегда покинуть свою родину, став корабельным доктором. Мне предложили поработать на биреме «Весенняя Ласточка». Там я вскоре выяснил, что хирургу на борту судна вообще было нечего делать, на биреме не было никакой лечебной практики и тогда я начал попросту спиваться.

– Так что ты, герцог, от меня хочешь получить? Я же не волшебник, чтобы взмахом волшебной палочки твою жизнь исправить и направить в правильное русло. Хотя не мог бы ты мне сказать, кем бы ты хотел еще стать, помимо корабельного доктора? Да и как твое имя, ты мне его до сих пор не назвал? – Я мысленно поинтересовался у этого парня, корабельного доктора.

От моего мысленного вопроса корабельный доктор почему-то вздрогнул всем своим телом. Он свой взгляд оторвал от земли, посмотрел мне прямо в глаза. Тем самым он между нами обоими произвольно установил зрительный контакт. Этот контакт подтвердил, что он действительно нуждается в моей помощи, так как нуждается поддержки в поисках своего места в жизни. Через мгновение он смотрел в океан, но этого момента мне вполне хватило на то, чтобы разобраться в его чувствах, эмоциях и понять, что я мог бы ему предложить. для разрешения проблемы его трудоустройства. Развернувшись в сторону моря, корабельный доктор глубоко и тяжело вдохнул, а затем тихим голосом произнес:

– Извини, господин капитан! Мое полное имя – герцог Якоб Форенкульт. Мой отец всю свою жизнь проработал казначеем одного из королевств Восточной Империи. Что касается твоего вопроса, то я попросту не знаю, как на него ответить. И, честно говоря, я не знаю, что мне дальше делать со этой своей проклятой жизнью?!

Пока герцог Якоб Форенкульт мне вещал о самом себе, то я воспользовался представившейся мне возможностью и мысленным зондом немного покопался в его сознании. Предо мной раскрылись образы, мысли и эмоции, скрываемые в его сознании и постоянно сменяющие друг друга. Я видел безрадостные образы и эпизоды его детства и отрочества. Эти образы и эпизоды были наполнены эмоциями страданий, мучениями юной души, трепещущейся и пытающейся вырваться из паучьих сетей.

В какой-то момент передо мной проплыло лицо пожилого человека, оно было явно чем-то рассержено. Видимо, это было лицо герцога Форенкульта, отца Якоба?! Затем я понаблюдал за тем, как в сознании молодого Форенкульта то появляются, то исчезают постные старушечьи и стариковские лица. Их головы тряслись от древней старости, а также от собственного бессилия перед этим молодым парнем. Иными словами, в памяти молодого герцога не сохранилось ни единого радостного или светлого эпизода из его детства или отрочества!

Но в какой-то момент в его сознании вдруг возник строй солдат, марширующих по деревенской улице. Солдаты ладно маршировали по деревенской улице, а по бокам дороги их сопровождали две ватаги деревенских мальчишек. На малое мгновение в одной из ватаг промелькнуло лицо юного герцога Форенкульта. Самозабвенно размахивая руками в такт солдатского шага, он вместе с деревенскими мальчишками браво маршировал по деревенской дороге. Затем в его сознании крупным планом промелькнуло его лицо, герцог Форенкульт стоит с высоко поднятыми верх руками, в правой руке у него было шпага, с клинка которой стекали капли крови!

– Форенкульт, – довольно-таки бесцеремонно я обратился к молодому герцогу, – чтобы ты мне мог бы ответить, если я тебе предложу бы стать во главе охранного подразделения, приписанного к биремы «Весенняя Ласточка?! В твоём подчинении поступят двести молодых парней из сельской местности! Ты их должен обучить солдатскому ремеслу, научить их пользоваться различным оружием. Ходить в атаки на поле боя, или вражеские корабли брать на абордаж! Такое подразделение мы могли бы назвать морской пехотой! И служить же ты будешь, имея офицерский чин. Ну, скажем, в чине майора?!

3

Моя светская беседа с герцогом Форенкультом была прервана внезапным появлением на причале небольшой группы людей. Я сразу же на них обратил внимание по двум причинам. Пока еще было очень рано, и причал был пустынен. Тут же незнамо откуда на нем вдруг появляются сразу же четыре человека. Если судить по их одежде, а также по их поведению, то можно было бы сказать, что эти люди не имели никакого отношения к портовым трудягам. Что меня еще сильно удивило, как только они появились на причале, то они сразу же направились к биреме «Весенняя Ласточка». Самое интересное заключалось в том, что между собой они разговаривали на слишком уж повышенных тонах, почти кричали друг на друга.

Несмотря на то, что беседа с герцогом Форенкультом принимала все более интересный оборот, громкий крик-разговор этих четверых людей меня прямо-таки заставил обратить на них внимание. К тому же в этот момент в беседе с Форенкультом образовалась небольшая пауза, герцог решил подумать, прежде чем соглашаться на мое предложение. Так что Якобу потребовалось время на обдумывание своего ответа. Я же оказался как бы свободным, поэтому на них обратил внимание. Их же слишком громкая переключка-разговор меня заинтересовала, так как в не упоминалась моя бирема.

Некоторое время эта четверка люде потопталась у сходен, они любовались моим судном и в целом обсуждали «Весеннюю Ласточку». Затем они начали прохаживаться вдоль борта биремы, внимательно рассматривая, обсуждая и на бумаге помечая повреждения и пробоины в борту от файерболов безумного мага. В принципе, у меня не было повода прекратить этот осмотр биремы, так как любой человек имел право с причала любоваться красотой и стройностью моей биремы. Но в данном конкретном случае меня удивило то обстоятельство, что они осматривали бирему с определенным профессионализмом и с определенной целью. Практически каждое повреждение они оценивали и определяли, сколько же примерно будет стоить его ремонт.

Такой их подход к делу меня чрезвычайно заинтересовал. Я своей магией немного поднастроил свой слуховой аппарат, чтобы этих людей лучше слышать. Они к себе привлекли внимание и герцога Форенкульта. Он к этому времени, видимо, уже принял какое-то решение, но мне пока его не сообщил, стал прислушиваться ко всему тому, о чем кричали эти крикуны.

Стараясь не упустить важного момента в их разговоре, я даже поднялся на ноги и подошел к самому краю палубы биремы, чтобы этих крикунов не выпускать из вида и получше их слышать. Я еще раз их внимательно осмотрел. Мне понравилось то, что все эти четверо мужчин были неплохо одеты, на каждом из них был хорошо отглаженный и чистый камзол, который мог бы принадлежать зажиточному, если не богатому купцу! По моему мнению, эти люди принадлежали, если не высшему, то, по крайней мере, к среднему и к весьма обеспеченному сословию населения Валенсии.

Герцог и будущий майор морской пехоты Форенкульт начал во всем меня копировать. Вслед за мной он поднялся на ноги и подошел к самому краю палубы, чтобы опять-таки вместе со мной понаблюдать за всем тем, что происходило на причале, чем занимались эти четверо крикунов. Хочу вам напомнить о том, что на данный момент бирема была обезлюжена, на ее борту находились только я и Якоб Форенкульт. Помимо нас еще три пьяных матросика, по-

прежнему, вразброс валялись у горловины спуска на нижнюю палубу, они все еще продолжали отсыпаться после своей ночной пьянки в порту. Я же с герцогом Форенкультом, совершенно не скрываясь от взглядов этих четверых, стоял на самом краю верхней палубы биремы, но эти четверо нас упорно не замечали!

Я же исходил из предположения, что они, будучи воспитанными людьми, нас заметят и вежливо поздороваются. Это их приветствие нам даст повод у них поинтересоваться тем, что они тут делают и чего хотят увидеть? Но минута проходила за минутой, с их стороны – ноль внимания. Их разговор-перебранка все продолжался и продолжался с не меньшей интенсивностью, он, по-прежнему, велся на повышенных тонах. Но ни на меня, ни на герцога никто из них даже не взглянул! Вскоре они продолжили осмотр биремы, продолжая обсуждать полученные повреждения и пробоины в борту, одновременно производя оценку их ремонта.

Завершив работу с правым бортом биремы, эти четверо решили перейти к осмотру общего состояния биремы «Весенняя Ласточка». Разумеется, для этой цели они должны были бы подняться на борт биремы и пройти по ее верхним и нижним палубам. Что касается меня и Форенкульта, то нас обоих эти люди, видимо, приняли за сторожей, нанятых хозяевами биремы для охраны груза в ее трюмах. И, видимо, по этой причине они на нас обоих, по-прежнему, и не обращали ни малейшего внимания.

Пользуясь моментом, когда эти четверо горлопанов один за другим начали по сходням подниматься на бирему, я мысленным щупом покопался в их мозгах. От накопленной из первоисточников информации у меня начался жесточайший озноб, хотя общая температура воздуха сегодня колебалась в пределах тридцати градусов тепла! Из этой информации выходило, что и я, и мой старпом Борг мы оба слишком долго почивали на лаврах, поверяв в то, что «Весенняя Ласточка» навсегда стала нашей собственностью! И мы с ним оба в этом здорово лопухнулись, даже не подумав, разыскивать судовые документы на «Весеннюю Ласточку»!

Как только что мне удалось узнать, кто-то нашел эти документы и продал этим крикунам, которые на деле оказались валенсийскими купцами. Собрав всю силу своей воли в кулак, я постарался ни единым словом, ни единым жестом этим джентльменам не выдать того, что я только что узнал. Было бы совершенно нежелательно, что эти валенсийские купцы узнали бы, что я только что раскрыл их тайну.

Совершенно случайно появившись в новом для себя мире Тринидада, я пока еще не очень хорошо в нем ориентировался. Не знал о том, как должен был бы я себя вести в том случае, когда совершенно незнакомые люди претендуют на твою же частную собственность? Правда, если уж оставаться до конца честным человеком, то эти четверо господ, приобрели пакет документов на владение биремой и сейчас они могли на нее претендовать.

В моих ушах все еще громким и тревожным набатом звучали их мысли о том, что они практически за бесценок приобрели вполне хорошее судно! Что после ремонта это судно можно было бы перепродать, получив хороший барыш! Или же этим судном можно было бы перевозить свои же товары по другим городам побережья Внутреннего океана! Причем все четверо все более и более склонялись к мысли о том, чтобы мою бирему переделать в транспортную баржу и ею пользоваться в каботажной торговле.

Могу вам честно и откровенно признаться в том, что эти мысли местных купчиков я воспринял, как полный нонсенс и личное оскорбление, Красавицу «Весеннюю Ласточку», рожденную для того, чтобы летать, парить над океанскими волнами, они собирались превратить в лоханку для перевозки прибрежных грузов – это был самый настоящий абсурд! К тому же бирема принадлежала и должна была бы принадлежать только мне, а также моему другу, старпому Боргу! Никто другой, по-моему, глубокому и личному убеждению был бы не вправе на нее претендовать или на нее предъявлять свои права своей собственности!

В этот момент четверка горлопанов-крикунов стала подниматься на борт биремы. Если судить по их все еще продолжающимся выкрикам, то они, по-прежнему, были уверены в том,

что за гроши им удалось купить действительно хорошее судно. По их мыслям можно было бы понять, что они вчетвером только закрыли сделку по приобретению «Весенней Ласточки», выплатив хозяину документов определенную сумму золотыми флоринами. В этот момент я своим мысленным зондом начал судорожно рыскать по их сознаниям, желая найти информацию, которая мне могла бы помочь опровергнуть их уверенность во всем произошедшем! По крупнякам я начал собирать факты, которыми можно было опровергнуть их уверенность в легальности самой сделки.

Вскоре я выяснил, что и сами все четверо были несколько смущены суммой выплат по сделке. Слишком уж малой она была, всего лишь десять тысяч флоринов и это выплата за бирему, которая, как оказалось, действительно находилась в хорошем состоянии. Да и сам владелец судовых документов на биремы своей внешностью и повадками не очень-то понравился купцам. Уж очень он смахивал на пирата или на грабителя с большой дороги! И, в-третьих, местные купцы так поспешили увидеть бирему, что с раннего утра поспешили в порт ее осмотреть. При этом они напрочь забыли о необходимости свой договор по сделке зарегистрировать у нотариуса. Они также не выплатили полагающейся госпошлины для регистрации такого договора. Таким образом, появился очень небольшой шанс оспорить данную сделку, «Весеннюю Ласточку» отстоять за собой.

К этому времени купцы успели подняться на борт биремы. Они тут же наткнулись на троих матросиков, которые продолжали мирно похрапывать, лежа рядом с горловиной спуска на нижнюю палубу. Вот только выдыхаемый им перегар превратился в стойкое зловоние, бриз с океана его так и не смог разогнать. Кончиками пальцев, позатыкав ноздри своих носов, местная купеческая команда осторожно пробралась мимо моих матросов, всеми силами стараясь не потревожить их сон. Как только они все четверо прошли пьяненьких матросиков, то сразу же обратили внимание на тюки, которыми была окружена мачта биремы.

Они некоторое время покрутились у тюков, зарисовывая едва ли не каждый из них в отдельности. Видимо, решили эти тюки с товаром отнести к статье «непредвиденные доходы». Но вскоре они продолжили работу по осмотру повреждений биремы и по их оценке. Что мне лично понравилось в этой ситуации, так это то, как они вполне грамотно и профессионально просчитывали смету расходов на ремонт биремы.

Еще вчера я вместе со своим старпомом Боргом пытался проделать аналогичную работу, хотя бы на глазок, определить стоимость капитального ремонта биремы. С тем, чтобы затем обратиться на местные верфи с запросом на ее ремонт. Неожиданно для меня мой же старпом Борг в этом деле себя повел незрелым юнцом, он от меня попросту сбежал на берег, чтобы там вместе с друзьями напиться в стельку.

Сегодня же сама богиня Фортуна меня благодетельствовала и послала мне удачу этими четверымя купцами. Как я накопал в их сознаниях, один из них оказался даже владельцем небольшой ремонтной верфью. Эта верфь в основном занималась ремонтом рыбацких баркасов, и верфь была не совсем раскрученной. Самое главное, во всем происходящем на палубе заключалось в том, я постепенно узнавал стоимость капитального ремонта мой биремы по отдельным статьям сметы расходов. При этом ни на меня, ни на Форенкульта местные купцы все еще продолжали не замечать, видимо, считая нас простыми сторожами биремы.

Обойдя верхнюю палубу, крикуны снова вернулись к мачте. Там они обсудили свои проблемы и пришли к окончательному решению мачту биремы не менять. После чего отправилась к трапу на нижнюю палубу. В этот момент я своим сердцем почувствовал, что настал момент, когда я должен был бы вмешаться в ознакомительную экскурсию незваных гостей по моей биреме, положить конец творящемуся на биреме беспределу!

Правый глаз я скосил в сторону майора Форенкульта, им же ему подмигнул, а затем своей головой коротко кивнул в сторону этих непрошенных гостей. Получив приказ, юноша не промедлил и секунды с его исполнением. Его статная фигура вдруг выросла на пути прямо перед

купцами, один из которых уже ступил на ступеньку трапа, ведущую на нижнюю палубу. Купцы явно не ожидали столь внезапного появления моего удальца у себя на пути. Они нехотя, но все же остановилась. Поначалу они между собой обменялись удивленно-недоуменными взглядами, и только после этого герцога осмотрели с головы до ног.

И только тогда Форенкульт вежливо, но с некоторым металлом в своем голосе произнес:

– Милостивые судари! Позвольте вам предложить немедленно покинуть наше судно! Вы не имеете права без особого на то разрешения его капитана или судовладельца на нем находиться!

Эта, казалось бы, простая фраза, произнесенная майором Форенкультом, для местных купцов прозвучала подобно грозному раскату грома. Вежливость и убедительность, прозвучавшие в голосе этого молодого человека, этих горлопанов заставили умолкнуть, прекратить кричать друг на друга. По своему жизненному опыту я хорошо знал, что, когда начинаешь кричать на кого-то, то этим ты как бы демонстрируешь свою слабость. В рядах противника обязательно найдутся люди, которые начнут вам перечить и качать свои собственные права! Среди наших купцов визитеров нашелся один такой нахал горлопан.

– Молодой человек, вы творите ничем немотивированное беззаконие! Вы не имеете права от нас требовать, покинуть данное судно! Так как на настоящий момент оно принадлежит всем нам четверым. Мы его владельцы и на руках у нас имеются все необходимые документы, подтверждающие, что это судно нам принадлежит! Как его владельцы, мы не должны обращаться к его капитану за разрешением на его посещение или на его осмотр!

Этот купчик даже начал в воздухе потрясать какими-то документами, продолжая громко требовать восстановления поправленной справедливости. Одновременно он утверждал, что все эти документы на бирему оформлены в полном соответствии с действующим законодательством.

– Господин офицер, вы только взглянуть на этот договор о купле-продаже биремы! – Кричал горлопан, протягивая герцогу Форенкульту листы какого-то документа.

В тот момент я сообразил, что, если в данную минуту я не сумею этим купчикам доказать, что по этой сделке их обманули, нагло кинули, то могу навсегда потерять свою «Весеннюю Ласточку»! Я должен был им доказать, что им в руки всучили товар, принадлежащий другим людям. Что продавец этих бумаг не являлся истинным владельцем судна, а документы им были сфабрикованы или подделаны!

Я, особо не торопясь, подошел к герцогу Форенкульту, из его рук забрал документ и принялся его внимательно изучать. Это был всего лишь экземпляр договора на куплю-продажу «Весенней Ласточки», исполненный на трех листах и подписанный всеми участниками договора. Поначалу мне показалось, что договор был безукоризненно составлен, что к нему было бы невозможно придаться! Но более внимательно в него вчитавшись, я обнаружил, как и предполагал, что договор недействителен, так как он не был зарегистрирован нотариусом и за него не была уплачена госпошлина. Да и к тому же цена за бирему была чересчур заниженной! Всего лишь десять тысяч флоринов, когда она стоила в двести пятьдесят тысяч золотых флоринов!

Еще раз внимательно изучив текст договора, я заговорил уверенным голосом. Одновременно всем четверем купцам начал мысленно внушать, что их сделка – это самая настоящая афера:

– Господин купец, прошу меня извинить, что вмешался в ваш разговор с дежурным офицером по биреме! Но, как шкипер и как ее капитан, я хотел бы прояснить ситуацию с вашими документами на бирему! Не мог бы я хотя бы одним глазом взглянуть на те судовые документы, которые вам кто-то продал?!

Услышав мой вежливый вопрос, один из купцов из внутреннего кармана камзола вытащил еще одну пачку документов. Эту пачку он мне протянул и рассказал о том, как она к ним попала.

– Мы все четверо являемся членами купеческой гильдии Валенсии. В основном занимаемся каботажной торговлей, торгуем различными товарами по всему океанскому побережью. На этом поприще нам удалось сколотить небольшой капитал! Недавно в порту Валенсии мы на паях приобрели небольшую верфь для ремонта морских и океанских судов. Вчера вечером мы решили отпраздновать это наше новое приобретение, поужинав в одной из таверн валенсийского порта! Наш ужин уже подходил к концу, когда в таверне появился человек, предложивший любому желающему выкупить у него бирему «Весенняя Ласточка», только что отшвартовавшуюся в порту! Ради смеха мы у этого человека поинтересовались стоимостью, продаваемой биремы, а также условиями сделки по ее продаже. Неожиданно для нас этот человек назвал совсем смехотворную сумму, которую он хотел бы получить за свое судно. При этом он пояснил, что бирема после шторма находится в не очень хорошем состоянии, что большие деньги потребуются на ее ремонт. Поэтому за бирему он хотел бы получить всего лишь десять тысяч золотых флоринов. В знак доказательства того, что он является ее владельцем, он нам предъявил весь пакет судовых документов. Другой человек, сопровождавший его и себя назвавший Махмудом, на Библии подтвердил, что этот человек является шкипером и владельцем биремы «Весенняя Ласточка». Немного посоветовавшись между собой, мы решили сложиться и выкупить бирему!

Рассказ валенсийского купца был краток, но вполне убедителен и правдив! Я в этом лично сам убедился, продолжая мысленным зондом копаться в его сознании. Так что благодаря своему магическому дару и телепатии мне удалось также выяснить, что этот купец умолчал о том, что договор не был зарегистрирован в офисе нотариуса, что госпошлина пока еще не была выплачена. Решив понапрасну не терять времени, я решил пойти ва-банк и опять-таки мысленно обратился, но этот раз сразу же ко всем четырем валенсийским купцам.

– Милостивые судари! Видите ли, у меня возникли подозрения в отношении аутентичности судовых документов?! Как мне показалось, их продавец этими документами вас намеренно ввел в заблуждение?! В этих документах ни единого слова не говорится о том, кто же является шкипером или владельцем биремы «Весенняя Ласточка»

На мои слова все четыре валенсийских купца начали смущенно между собой переглядываться и перешептываться. По всему выходило, что они сами были не совсем уверены в законности этой сделки. В голове одного из них я даже прочитал мысль о том, что он еще вчера в таверне был уверен в том, что заключенная ими сделка на деле была мошеннической аферой с проходимцем. Пока купцы перешептывались между собой, я продолжил знакомиться с судовыми документами. Внимательно одну за другой просмотрев все эти документы, я внутренне содрогнулся от ужаса, эти документы были оригиналами настоящих судовых документов на мою бирему «Весенняя Ласточка»! С большим трудом мне удалось сохранить спокойствие и невозмутимое выражение своего лица.

В данную минуту было бы поздно выяснять, каким образом они попали в руки этих торгашей. Как говорится после драки, кулаками не машут! Теперь мне предстояло своими силами выкручиваться из этой глупой ситуации! К слову сказать, если эти валенсийские купцы будут стоять на своем, и утверждать, что бирема «Весенняя Ласточка» им принадлежит, то в этом случае нам придется иметь дело с мировой судьей! Если и через посредство мирового судьи мы не договоримся, то судебная тяжба затянется на долгие годы. Таким образом, получается, что вопрос о принадлежности биремы, мне все-таки не стоит доводить до судебного разбирательства.

Тогда я принял решение сыграть в свою собственную игру!

– Милостивые судари! – Я снова обратился к купцам. – Тот аферист и мошенник, назвавший себя владельцем биремы, вас преднамеренно ввел в заблуждение! Он вместе со своим напарником Махмудом убил моего старого друга, шкипера биремы «Весенняя Ласточка», вчера поздно вечером прибывшую в Валенсию! Убийца вместе со своим подельником Махмудом украл судовые документы на нашу бирему и скрылся в неизвестном направлении. В настоящее время мы их обоих разыскиваем с тем, чтобы суд их покарал бы и за убийство и кражу судовых документов. Между прочим, судовые документы, купленные вами, на деле являются всего лишь копиями настоящих судовых документов, которые я храню на биреме.

С этими словами я из внутреннего кармана своего камзола достал аккуратную пачку бумаг. Эти документы во всем были аналогичны тем документам, которые валенсийские купцы мне только что показывали. Разве что на всех страницах моих документах стояли аккуратные печати, а также имелись записи нотариуса о регистрации договора о владении. Честно говоря, я не ожидал, что эти виртуальные документы произведут такой положительный эффект на моих оппонентов, на валенсийских купцов. Один за другим они принялись отводить в сторону свои глаза с тем, чтобы от меня скрыть свое смущение всем происходящим. Подобным поведением они как бы признавались в том, что совершили ошибку, пойдя на сделку с мошенниками!

Наблюдая эту реакцию, я все же решил с ними не портить отношений, больше их не запугивать, а наоборот предложить им с нами посотрудничать.

– Я верну вам все ваши деньги по этой сделке, но при условии, если вы согласитесь мне вернуть эти копии судовых документов на бирему!

Желая этих торгашей сделать еще более покладистыми, я им сделал им еще одно дополнительное предложение, от которого они вряд ли смогут отказаться.

– Милсудари! Из ваших слов я понял, вы уже осмотрели мою бирему, поэтому хорошо знаете, в каком плачевном состоянии судно находится! Хотел бы вам сообщить, что в Валенсию мы пришли в основном для ее ремонта, для капитального ремонта. Нам также хотелось бы в корпус биремы внести кое-какие конструктивные изменения. Совершенно случайно я услышал ваши слова о том, что вы владеете небольшой верфью, на которой ремонтируете рыбацкие суда, а также вы определились с объемом ремонта биремы и с его общей стоимостью. Сегодня после завтрака я собирался своих ходяков отправить в город, в местную гильдию купцов для того, чтобы они выяснили, кто, какая верфь в Валенсии могла бы заняться ее ремонтом?! Ну, раз вы сами к нам пришли, почему бы нам не договориться о ремонте «Весенней Ласточки»?! Вы мне только назовите общую сумму стоимости ее ремонта, и скажите, сколько времени вам потребуется на ее ремонт?!

Глава 2

1

Дозорно-поисковый отряд лейтенанта Кимвелла вернулся в лагерь по Нуаром под самый вечер, Желтый Карлик краем своего гало совсем уже коснулся горизонта, чтобы скрыться за ним. Отряд проехал через широко распахнутые ворота, его никто не остановил, никто не поинтересовался, что это за отряд, из какого поиска он вернулся?! Как вскоре выяснилось, возвращение поискового отряда лейтенанта Кимвелла в самом лагере никто не ожидал! Да и вообще мало кто из солдат и офицеров гарнизона лагеря обратил внимание на полуэскадрон всадников и небольшой обоз из крестьянских телег, проследовавшие через лагерные ворота.

Омар Эль-Нассар сразу же взгрустнул, когда, проехав ворота, он собственными глазами лицезрел, что на территории лагеря царит полнейший беспорядок, напоминающий вавилонское столпотворение! Любой военный человек сразу же определил бы, что на его территории нет никакого военного порядка. Обо всем том, что Повелитель увидел своими глазами увидел, можно было бы смело говорить, что в лагере не было и не могло бы быть какого-либо порядка.

а военной дисциплины, как таковой, вообще не ощущалась и не чувствовалась! Проезжая в крестьянской телеге по его территории, Омар Эль-Нассар хорошо видел, что этот лагерь больше напоминал городской рынок или базар, где все продается и покупается.

Поначалу Эль-Нассар не понимал и не мог разобраться в том, что в данный момент вообще происходит на его территории?! Когда они проезжали по его центральной аллее, то и там Повелитель не увидел и не почувствовал присутствия властной руки или железной воли капитана Мурильо, который по словам Кимвелла был старшим офицером в лагере. Солдаты никуда не бежали, они особо не торопились выполнять поручения своих офицеров или унтер-офицеров, сейчас они были заняты другими непонятными Повелителю делами. Офицеры им практически не встречались, словно они в этом лагере и не существовали. Его территория была захламлена до совершеннейшего безобразия и собралось, повсюду были кучи мусора, от солдатских туалетов несло за километр.

Повелитель привык к несколько иным военным лагерям, где слушались и уважали офицеров ому поведению солдат и офицеров, а армейская дисциплина соблюдалась в полной мере. Все, что в данный момент он наблюдал говорило лишь только о том, что солдатская жизнь в нем текла независимо от воли командира лагеря.

– Омар, ты уж успокойся! – Одним дыханием и едва слышно Ивонн де ля Рунж прошептала на ухо Повелителя. – Постарайся себя вести таким образом, чтобы на твое появление в этом лагере поменьше солдат обратили бы внимание! Мне очень не хотелось бы, чтобы тебя узнали раньше времени! Так как прежде всего мы должны встретиться и переговорить с капитаном Мурильо!

– Что ты под своими словами имеешь в виду, Ивонн?! – Чуть ли не в полный голос прорычал Эль-Нассар. – В данный момент перед моими глазами не военный лагерь, а черт знает, что! Нечто похожее на городской бордель! Почему солдат не обучают солдатскому ремеслу?! Почему они с ленцой и неторопливо бродят по его территории, словно на светской прогулке?! Выполняя приказание своего офицера или унтер-офицеры, солдат обязан нестись, сломя голову?! Никакой охраны у лагерных ворот! Полуэскадрон всадников проезжает в лагерь, его никто не останавливает и интересуется, что это за отряд конницы, где они были и откуда возвращаются?! Таким образом, любой противник может свободно и в один миг проникнуть на его территорию, захватить лагерь, перерезав горла и солдатам, и офицерам его гарнизона!

– Омар, я с тобой полностью согласна в отношении всего безобразия, которое творится в этом так называемом военном лагере! Да я согласна с тобой и в том, что в нем полностью отсутствует какой-либо порядок! Но, прежде чем ты, Омар, займешься наведением порядка в этом лагере, мы с тобой должны разобраться в том, кто же это такой капитан Мурильо, чем он занимается?! Для этого мы должны с ним встретиться и выяснить все обстоятельства того, почему в его лагере отсутствует воинская дисциплина и почему солдат больше не обучают хорошо выполнять свою солдатскую работу?! Так что, Омар, я тебя прошу набраться терпения, не привлекать к себе внимания до тех пор, пока мы не встретимся и не поговорим с капитаном Мурильо! Только после нашей с ним встречи ты можешь взять на себя командование этим лагерем!

Тем временем полуэскадрон лейтенанта Кимвелла неторопливой рысцой проследовали по главной аллее лагеря. Лейтенант Кимвелл с некоторой тревогой посматривал по сторонам, ему не понравились изменения, произошедшие в лагере за время их недельного отсутствия. Всеми своими силами Кимвелл эту тревогу старался скрыть от бойцов своего полуэскадрона. Ему также очень не хотелось бы, чтобы и Повелитель на нее обратил бы свое внимание. В этот момент лейтенант обратил внимание на поведение придворной магини Ивонн де ля Рунж, ехавшей в одной телеге вместе с Повелителем. Неторопливым движением своих рук магиня на свои плечи накинула легкую белую шаль. Чувство дискомфорта и внутренней тревоги непо-

нятным образом покинуло лейтенанта Кимвелла, дальше на своем единороге лейтенант скакал, больше ни о чем не тревожась.

Вскоре полуэскадрон Кимвелла подъехал к своей казарме, расположенной у западных ворот лагеря. Бойцы спешили, затем они принялись расседловывать, поить и кормить своих верховых единорогов. Накормив животных, бойцы Кимвелла единорогов привязывали к коновязям и, отсыпав им в торбы овса, отправлялись в свою казарму, чтобы там заняться собой. Кашевары десятков засуетились, они бросились готовить ужин из продуктов, имевшихся в наличии. Омару Эль-Нассару очень понравилось то, что лейтенант Кимвелл не проявлял какой-либо бешеной активности, вмешиваясь в дела бойцов своего полуэскадрона. Он постоял в сторонке, наблюдая за всем тем, как те обихаживали своих верховых животных. Омар Эль-Нассар сразу же обратил свое внимание на то, что лейтенант воинскую дисциплину в его полуэскадроне поддерживал на должной высоте.

Проследив за тем, как последние бойцы его полуэскадрона, исчезли за дверями казармы, лейтенант Кимвелл направился к своему Повелителю Эль-Нассару. Тому же вместе с придворной магией эти десять минут пришлось простоять, ожидая, пока Кимвелл полностью не освободиться от дел по полуэскадрону и их не проводит до штабной палатки капитана Мурильо!.

У Эль-Нассар слегка повысилось настроение, но он все еще оставался очень расстроенным из-за всего того безобразия, творившегося на территории лагеря. У Повелителя в уме не укладывалось, как можно было так хорошо отлаженную, расписанную по минутам, военную жизнь солдата превратить в тот позор, который он только что наблюдал! В своей жизни ему пока еще не приходилось видеть солдат, не знающих, чем себя можно было бы занять на службе.

До момента появления в лагере в глубине души Повелителя все еще телилась надежда на то, что там он все же встретится с солдатами и офицерами, на которых можно было бы положиться в борьбе с Координатором! Теперь же после всего увиденного в лагере, от этой надежды не осталось клочка, все кануло в лету! И теперь, по всей вероятности, свою борьбу с Координатором ему придется начинать с самого начала, с поиска соратников, которые ему поверят и пойдут за ним!

Последнее время Ивонн де ля Рунж, проведя много времени вместе с Омаром Эль-Нассаром, научилась заранее предугадывать его мысли и желания. Она великолепно чувствовала и различала его эмоции. Вот и в этот момент, чувствуя, что Повелитель готов вот-вот взорваться от негодования от всего им увиденного в этом лагере, Ивонн де ля Рунж от него не отходила ни на шаг. Она всеми своими магическими силами старалась не позволить ему гневаться на виду у всего лагеря. В этом деле ей очень помогла белая шаль, которую она время от времени накидывала на свои плечи. В конце концов, с помощью магической шали Ивонн де ля Рунж сдерживала Повелителя, успокаивала его нервы. Весь его гнев и негодование эта шаль впитывала в саму себя, чтобы тотчас же его бесследно растворить в магической среде астрала!

Как только Ивонн де ля Рунж увидела, что лейтенант Кимвелл освободился и направляется к ним, то она тотчас нейтрализовала свою белую шаль. На шаг отошла от своего Омара, чтобы своим присутствием не помешать мужским разговорам.

– Мой Повелитель, я освободился и весь в вашем распоряжении! – Лейтенант Кимвелл учтиво проговорил, подойдя к Эль-Нассару.

– Я и поверить не мог, что Призрачную стражу можно было бы довести до столь позорного состояния! – Задумчиво проговорил Эль-Нассар, внутренне он все еще продолжал кипеть от своего негодования. – Кимвелл, ты не мог бы мне подсказать, куда подевались все мои воины Призрачной стражи? Тех людей, что я только что видел в лагере, нельзя назвать даже словом «солдат»!

– Омар, ты не прав, обращаясь к Кимвеллу с подобным вопросом! Так как этот вопрос предполагает развернутую и слишком уж долгую дискуссию. У нас же попросту нет времени

на подобное времяпрепровождение! Да и в данный момент какая-либо дискуссия бесполезна, так как прежде всего мы должны действовать! Да и к тому же, как мне кажется, Кимвелл не знает ответа на этот твой вопрос, Омар! В данный момент я предлагаю все дискуссии отложить на более позднее время! Сейчас же, не теряя понапрасну времени, нам следует бы посетить коменданта этого лагеря, капитана Мурильо! Мне хотелось бы с ним пообщаться по душам, пока он не услышал о твоём возвращении, мой Повелитель!

– Госпожа придворный маг ...

– Кимвелл, ты можешь ко мне обращаться более проще! Можешь меня называть меня по имени, Ивонн! К тому же мне самой это имя очень нравится! Да и за подобное обращение ко мне, лейтенант, я на тебя не обижусь!

Но вместо Кимвелла на вопрос придворной магини ответил сам Эль-Нассар:

– Ты права, Ивонн! С капитаном Мурильо и я хочу встретиться, как можно быстрее! Так что Кимвелл пошли, показывай нам дорогу к капитанской палатке!

– Мне хотелось бы вас обоих попросить обо одном, вы уж оба постарайтесь свои языки попридержать за зубами! Постарайтесь вообще между собой не разговаривать, пока мы не доберемся до палатки капитана Мурильо! Если капитан, хотя бы в малой доле владеет искусством магии, то он может моментально прознать, что Повелитель уже вернулся и находится на территории его лагеря! В этом случае он успеет принять кое-какие меры и постараться избежать нашей с ним встречи!

– Ну, и что в этом страшного, Ивонн?! Я все равно с ним расправлюсь, если даже он заранее узнает о месте моего нахождения! Он же попросту не успеет чего-либо предпринять за те несколько минут моего пребывания в этом лагере?!

– Я не думала, не полагала, Омар, что ты такой неблагоприятный человек! Разве ты не понимаешь, что этот лагерь пока еще вообще существует только потому, что Координатор его использует в качестве мышеловки, твоей личной мышеловки, Омар! Тех солдат, что ты только что видел на его территории, – это и есть твой бесплатный сыр, Омар! Если ты коснешься или хотя бы обменяешься парой слов с любым из этих солдат, то через пару минут мышеловка захлопнется, а ты превратишься в бесправного узника Координатора!

– Ничего подобного попросту не может случиться! Я же три года провел в этом лагере! Ничего подозрительного никогда я не замечал из вашего утверждения, мэм, что он используется только в качестве ловушки на Повелителя! – Мрачно и одновременно недоверчиво проворкотал лейтенант Кимвелл.

– Что за люди эти мужчины?! Не верят ни единому слову женщине! Да и когда им говорят о том, что меньше слов и больше действия, то их попросту начинает распирать словоблудие! Они начинают мечтать о проведении всенародного, но никому не нужных обсуждений! Лейтенант Кимвелл, я, что вам сказала, что в данный момент нам нельзя время попусту тратить на словесные баталии! Так что я вам приказываю, молча, меня и Эль-Нассара проводите к палатке капитана Мурильо! Обо всем остальном и более детально мы сможем поговорить, но несколько позже!

Военный лагерь под Нуаром был построен по древнеримскому принципу, все его командование и офицеры располагались в палатках, расставленных на его центральной площади. Так что им троим пришлось снова выйти на центральную аллею лагеря, что по ней пройти до центральной площади, с четырех сторон окруженную палатками, в которых проживали офицеры и сам комендант лагеря. Эль-Нассару хватило одного взгляда, чтобы понять, что большинство офицерских палаток пустует. По их внешнему виду, а также из-за полного отсутствия охраны у палаток можно было бы понять, что в них давно уже никто не проживает! У Омара Эль-Нассара снова начало резко падать настроение!

Ивонн де ля Рунж успела взять его под руку и ему на ухо снова прошептать:

– Омар, держись! До встречи с капитаном Мурильо осталось совсем ничего времени!

Только одна палатка на центральной лагерной площади была окружена плотным кольцом охраны. Их троих тотчас же задержали, как только они к ней подошли. Из оцепления к ним вышел старший из охранников, больше похожий на обезьяну, а не на человека.

– Чего надо? – Он грубо поинтересовался у лейтенанта Кимвелла, единственного из троих одетого в военную форму и которого он хорошо знал.

– Я – лейтенант Кимвелл! Мой полуэскадрон только что вернулся с задания по поиску определенных лиц! Хочу капитану Мурильо сообщить о результатах поисков, проведенных моим полуэскадром!

Орангутанг достал какой-то листок бумаги, своим грязным пальцем по нему провел, а затем сказал:

– Лейтенант, тебя нет в списке лиц, которые сегодня могут быть допущены до капитана Мурильо! Так что, лейтенант, отваливай, приходи завтра! Думаю, что завтра тебя обязательно внесут в этот список!

Все попытки Кимвелла объяснить этой обезьяне ситуацию, что ему срочно нужно встретиться с капитаном Мурильо, так к ничему не приводили!

Ивонн де ля Рунж своей рукой коснулась руки Омара Эль-Нассара для лучшего контакта и мысленно попыталась ему сообщить:

– Прямо сейчас у входа в капитанскую палатку нужно устроить небольшую перебранку с криками и воплями! Кричать нужно так громко, чтобы нас услышал сам капитан Мурильо и тогда он может выйти из палатки для того, чтобы разобраться в ситуации!

Ивонн де ля Рунж так и не поняла, дошло или не дошло ее сообщение до сознания Эль-Нассара?! Но Повелитель вдруг схватился за эфес своего скифского клинка и угрожающе громким голосом потребовал срочной встречи с комендантом лагеря. Кимвелл, стоявший рядом с Повелителем, попытался его задержать, чтобы ему не позволить начать кровавую схватку с охраной коменданта лагеря. Между ними завязалась то ли возня, то ли небольшая схватка. Все это время Эль-Нассар всеми силами пытался прорваться через кольцо охраны в палатку коменданта! Лейтенант Кимвелл всеми силами старался утихомирить якобы своего друга и возмутителя спокойствия, не позволить ему подражаться с охраной! Вдвоем они подняли такой громкий крик, что Ивонн де ля Рунж из-за столь грубого поведения своих мужчин почувствовала себя не в своей тарелке!

В тот момент, когда старший охранник совсем собрался сам вмещаться в эту свалку или приказать своим охранникам, чтобы те своими палками отделали бы этих двух буйно-помешанных мужиков, из палатки вдруг вышел сам капитан Мурильо.

– Сержант Червоточин, не соизволите ли мне объяснить, что здесь происходит. Кто это такие эти двое мужчин и дама вместе с ними? Да и почему они так громко кричат?

– Сэр, лейтенант Кимвелл с друзьями хотел бы вас посетить! Он хочет доложить о выполнении своего задания по поискам Повелителя султаната Гурам.

– Так, почему же ты его не пропускаешь?

– Его имя отсутствует в списке лиц, которым сегодня дозволено с вами встречаться!

С непроницаемым лицом капитан Мурильо выслушал объяснение своего главного охранника. Пару раз он посмотрел в сторону Эль-Нассара и Ивонн де ля Рунж, но к этому момент практически совсем стемнело. поэтому капитан не смог рассмотреть их лиц. Так как разожженных факелов охрана перед палаткой пока еще не установила. Капитан Мурильо снова повернулся лицом к своему главному охраннику и, сквозь зубы, процедил:

– Всех троих попусти ко мне в палатку! Впереди мне предстоит долгий и нудный вечер в полном одиночестве! Так что я хоть немного поболтаю с лейтенантом и с его друзьями!

Кимвелл первым вслед за капитаном Мурильо прошел в палатку. Внутри он увидел рабочий стол, за которым капитан, видимо, проводил большую часть своего времени. Следом за ними в палатку прошел Эль-Нассар, он сразу же обратил внимание на то, что на рабочем столе

был завален топографическими картами. По всей очевидности, капитан Мурильо с ними работал до их прихода, к тому же рядом картами на столе лежал весь исписанный блокнот.

Минуя стол, капитан Мурильо прошел к окну своей палатки, оно было настежь распахнуто! Световой день давно уже сменился вечерними сумерками, на небосводе хорошо просматривались самые яркие звезды. На миг капитан задумался, он только что курьером отправил свой отчет о работе, проделанной в рамках организации поисков и поимки Омара Эль-Нассара, бывшего Повелителя султаната Гурам. Последнее время его стали постоянно беспокоить чуть ли не все лизоблюды, крутившиеся вокруг Черного духа. Они постоянно требовали и постоянно ему напоминали о том, что он должен активизировать поиски и обязательно отыскать Эль-Нассара. Как они ему писали в своих сообщениях, то бывший Повелитель вместе со своим придворным магом должен был вот-вот выпасть из магического астрала где-то в районе поблизости от его лагеря.

В одном из таких сообщений ясно говорилось о том, что кому-то из окружения Координатора удалось помешать этим двум беглецам сразу же перенестись в Нуар, что этот кто-то сумел их продержать в астрале почти два года. Теперь же лизоблюды из окружения Координатора только и пишут о том, что он должен приложить максимум усилий для их поисков и задержания, иначе всем будет очень худо. Да и Координатор в одном из своих прямо говорил о том, что эти двое беглецов, наверняка, предпримут попытку проникнуть в его лагерь с тем, чтобы под свою руку взять султанатской Призрачной стражи. В принципе, все они правы в том, что этих беглецов требуется найти и посадить за решетку, вся проблема заключалась в другом, в лагере не осталось подразделений, которые были бы способны выполнить это задание. Разве что лейтенант Кимвелл прибыл с хорошими новостями?!

Капитан Мурильо развернулся лицом к своим гостям, желая им предложить располагаться поудобней для предстоящей беседы. Но так получилось, что он нос к носу едва не столкнулся с другом лейтенанта Кимвелла. Находясь снаружи палатки, он не смог рассмотреть его лица из-за вечерних сумерек. Но стоявшая на столе свеча ему позволила более внимательно рассмотреть его черты лица, капитану Мурильо почему-то вдруг показались ему знакомыми! Через мгновение капитан догадался, что перед собой он видит самого Повелителя султаната Гурам, Омара Эль-Нассара, которого якобы по всей округе сейчас разыскивают его ищейки.

Ни на долю секунду не потеряв самообладания, капитан Мурильо тут же вежливо поклонился этому человеку и произнес медоточивым голосом:

– Мой Повелитель, позвольте вас приветствовать в штабном помещении военного лагеря Призрачной стражи! Позвольте мне вам официально представиться – капитан Мурильо, к вашим услугам, мой Повелитель! В настоящий исполняя обязанности воинского начальника лагеря. Совет воинов ветеранов мне вменил выполнение этих обязанностей!

Нерешительно капитан Мурильо протянул Эль-Нассару свою руку для рукопожатия. Не обращая ни малейшего внимания на протянутую капитаном руку, Эль-Нассар прошел к столу. Там он присел на стул и кончиками пальцев принялся выбивать нервную барабанную дробь по столешнице стола. Ивонн де ля Рунж вместе с лейтенантом Кимвеллом задержалась при входе. Она стояла, внимательно всматривалась во внутреннюю обстановку штабной палатки. Как женщина, она сразу же почувствовала, что в ней соблюдается образцовый порядок. Мебель была аккуратно расставлена по местам, да и к тому же ее было не так уж много, только все самое необходимое – большой стол для работы, пара стульев и кровать в дальнем углу! В палатке поддерживалась едва ли не идеальная чистота, ни пылинки, ни мусора, ни просто бумажки, лежащей не на своем месте – все этого говорило о педантизме капитана в этой области. Но одновременно в палатке присутствовало и Ивонн де ля Рунж это тоже ощущала довольно-таки сильное напряжение непонятных ей энергетических полей и спектров.

– Как идет твоя служба, капитан Мурильо? Что происходит в лагере? – Поинтересовался Эль-Нассар, продолжая кончиками пальцев отбивать дробь.

Он решил не терять зря времени на пустые светские разговоры о погоде. Свой разговор с капитаном Мурильо ему нужно было начать с самого главного вопроса, попытаться выяснить, что же на деле произошло с Призрачной стражей, куда подевались ее стражники?

Что касается капитана Мурильо, то он ему был совершенно незнаком, как офицер Призрачной стражи! Правда, один раз он слышал это имя! В свое время Эль-Нассар по нижайшей просьбе одного из своих придворных сановников, своего дальнего родственника, с большим нежеланием ему посодействовал дальнему его родственнику, дав ему чин лейтенанта Призрачной стражи вне очереди, но с одним непременным условием. Это условие заключалось в том, что этот новоиспеченный лейтенант своего носа не покажет за порог ротной канцелярии, будет служить без претензий на строевые и на командные должности! Сейчас Эль-Нассар сидел за капитанским столом, нервно по нему барабанил своими пальцами. Он все никак не мог вспомнить имени того придворного сановника, обратившегося к нему с просьбой о родственнике.

– Что вы конкретно имеете в виду, мой Повелитель? – Уже несколько раздраженным голосом переспросил капитан Мурильо.

Он прекрасно понимал, что оказался в совершенно невыгодной для себя ситуации. Пока еще верная ему стража находится снаружи палатки, он в опасности, так как до стражи еще нужно докричаться. Ей же потребуется время для того, чтобы сообразить, что с ним, с капитаном Мурильо, в палатке происходят какие-то неприятности. Время уйдет и на то, чтобы ворваться в палатку и его попытаться вырвать из рук лейтенанта Кимвелла и Повелителя. За это время он, капитан Мурильо, запросто может лишиться головы и никогда больше не восстановится в образе человека. Жизнь в Преисподней не так уж приятна, как порой сами черти и демоны рассказывают. Там придется служить и услуживать высшим дьяволам, только успевай поворачиваться! Поэтому капитан Мурильо про себя решил немного потянуть время, посмотреть на то, как дальше будут развиваться с ним события?!

Капитан Мурильо сам того, не замечая, только что совершил большую ошибку. Он совершенно не обратил своего внимания на женщину, сопровождавшая Повелителя, приняв ее за его любовницу и слабое звено в окружении своего противника! С тем, чтобы выиграть хотя бы немного времени, капитан Мурильо решил продолжить беседовать с Повелителем.

– Мой Повелитель, в лагере все развивается в полном соответствии с заранее составленными планами!

В принципе, в данный момент он произнес фразу, полную правды! Дела в лагере Призрачной стражи действительно развивались в полном соответствии с заранее составленными планами! Вот только капитан Мурильо ни единым словом не обмолвился в отношении того, чьими же на деле были эти самые заранее составленные планы!

– Извини, капитан! Но не мог бы ты все же уточнить, какие планы ты имел в виду, отвечая на мой вопрос? Кто их разрабатывал? Кто эти планы утверждал? Каковы были конечные цели этих планов? Не могу ли я в таком случае взглянуть на бумаги, в которых упоминалось бы обо всем том, о чем я тебя только что спрашивал? – Довольно-таки резко потребовал Эль-Нассар, его пальцы продолжали отстукивать нервную дрожь по столешнице стола. – Да и к тому же ты пока еще не ответил на мой вопрос, где в данный момент находятся два полка стражников Призрачной стражи? Насколько мне известно, Совет воинов этого лагеря тебе передал право на командование двумя тысячами стражников! В этой связи меня очень интересует, где они сейчас находятся эти две тысячи стражников? Куда могли бесследно исчезнуть такое большое количество прекрасно обученных бойцов моей Призрачной стражи? Почему в твоём лагере я не увидел ни одного прилично одетого солдата, там я встречал одних только оборванцев, которых невозможно назвать солдатами или бойцами? Куда внезапно пропали все офицеры? Капитан Мурильо, я требую, ты понимаешь капитан, что твой Повелитель требует соответствующих объяснений по этому поводу! Ты должен в хронологическом порядке, не опуская

деталей, мне рассказать о том, что в лагере происходило с того момента, когда ты по решению Совета воинов стал капитаном Призрачной стражи, старшим офицером этого лагеря!

Некоторое время капитан Мурильо молчал, видимо, собиравшись с мыслями и духом, одновременно он лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию. Столь неожиданное появление Повелителя в лагере, манера его поведения и общения, задаваемые им вопросы, – все это капитана Мурильо застали врасплох. Если он даст ответ хотя бы на один из вопросов, заданных Повелителем, то это сразу же станет катастрофой всей его жизни! Чтобы остаться в живых, чтобы остаться человеком, и чтобы сохранить свою капитанскую должность, капитан Мурильо должен был бы перехватить инициативу в этом разговоре, а ведение разговора взять в свои руки! Ведь, солдаты и офицеры в лагере пока еще ему подчиняются! Правда, и они пока еще не знают, что Повелитель вернулся! Таким образом, ради спасения своей жизни, он, капитан Мурильо, должен будет сию минуту вызвать караул для ареста Эль-Нассара!

Капитан Мурильо развернулся и, ни слова не говоря, твердым шагом направился по направлению к выходу из своей палатки. Ивонн де ля Рунж все это время находилась в его сознании, она читала его мысли. Когда она поняла, что капитан Мурильо решил обратиться за помощью к верной ему охране, то она руками сильно толкнула в спину лейтенанта Кимвелла. Этот неожиданный толчок заставил лейтенанта сделать всего лишь один шаг вперед и стать на пути капитана Мурильо. Уткнувшись носом в грудь лейтенанта, капитан Мурильо остановился и, хорошо понимая, что в его распоряжении уже совсем не осталось времени, громко прокричал:

– Караул, рысью ко мне!

2

Караульные, ворвавшиеся в палатку, первым же делом увидели капитана Мурильо, перстом руки указывавшего на Эль-Нассара, продолжающего сидеть за столом, и голосом, срывающимся на громкий крик, приказал:

– Арестуйте этого проклятого самозванца! Закуйте его в железные кандалы! Этот человек – злой колдун, он посмел на себя натянуть личину нашего Повелителя!

Коротким пассом левой руки Ивонн де ля Рунж капитану Мурильо заткнула рот, замурав его большим яблоком, а затем его превратила в статую. Капитан Мурильо так и застыл, превратился в камень с рукой, протянутой вперед. Он остался живым, но не мог говорить или двигаться.

Тем временем Эль-Нассар, сохраняя полное спокойствие, продолжал сидеть за столом. Он никак не отреагировал на поведение капитана Мурильо и на его приказ о том, чтобы караульные его схватили бы и заковали бы в кандалы! В принципе, Повелитель от капитана Мурильо ожидал примерно подобного проведения. Во всяком случае Эль-Нассар был готов к нечто подобному. Он же продолжал сидеть за бывшим капитанским столом, пальцами отбивая ровную барабанную дробь.

Пытаясь выполнить приказ своего капитана, наиболее ретивые караульные во главе со своим старшим по караулу попытались прорваться к Эль-Нассару. Но были встречены лейтенантом Кимвеллом. Тот к этому времени успел обнажить свой меч и с ним в руке охране преградил дорогу к Повелителю. Всем своим видом, принятой стойкой лейтенант охранникам продемонстрировал, что он готов с ними сразиться не на жизнь, а на смерть, но к Повелителю их не пропустит! Таким образом, в капитанской палатке возникла критическая ситуация, когда только что начавшееся противостояние двух сторон могло бы нарушиться, если одна из сторон получит какое-либо преимущество.

– Всем оставаться на местах! Никому не двигаться! – В помещение палатки послышался мягкий женский голос, но с ясно прозвучавшим металлом в приказании.

В этом женском голосе прозвучала такая убежденность в своем праве требовать повиновения от других людей, что караульные тотчас же ему повиновались. Они замерли на своих местах, образовав как бы не замкнутый круг вокруг Повелителя. Тем не менее своими бердышами они все же перекрыли выход из палатки. Старший охранник попытался не повиноваться голосу Ивонн Де ля Рунж, но следующее мгновение и он замер на своем месте, не способный сделать хотя бы еще один шаг вперед.

Магиня вздохнула, сделала свой первый шаг по направлению к капитану Мурильо, застывшего каменной статуей перед Кимвеллом. Несмотря на то, что он был магически обездвижен, лицо Мурильо вдруг пошло крупными зелеными пятнами! По мере того, как Ивонн де ля Рунж медленно шаг за шагом приближалась к нему, Мурильо также медленно и как-то по деревянному шаг за шагом начал перед ней отступать. Он отступал до тех пор, пока своей спиной не уперся в стену палатки. Тогда он остановился, начал от магини и от ее глаз загоразживаться своими руками!

Ивонн де ля Рунж подошла к нему едва ли не вплотную. Приближаясь к капитану, она медленно приподнималась на цыпочках с тем, чтобы ее глаза оказались на одном с ним уровне!

– Кто ты такой, назвавший самого себя капитаном Мурильо? – Тихим, но зловещим шепотом придворная магиня задала свой первый вопрос.

– Почему ты отказываешься отвечать на вопросы своего Повелителя? Почему караульным приказал его арестовать и заковать в кандалы? О каком плане ты упоминал раньше? Может быть, по этому плану ты с оставшимися в лагере солдатами должен был разыскать и арестовать своего Повелителя Омара Эль-Нассара и придворного мага?! Передать их в руки..., так как это существо самого себя называет в письмах, направляемых тебе? Одно из таких писем все еще лежит на твоём рабочем столе? Мурильо, ты можешь подойти к столу, взять это письмо и передать его в руки своему Повелителю!

Несмотря на то, что свои вопросы придворная магиня Ивонн де ля Рунж задавала тихим шепотом, все караульные, оказавшиеся во внутреннем помещении палатки, могли хорошо слышать каждый произносимое ею слово. Они попросту оцепенели, услышав суть задаваемых вопросов магиней. Парни начали соображать, что стали невольными свидетелями события, которое было явно не для их ушей и глаз! Ивонн де ля Рунж, не обращая внимания на тишину, воцарившуюся в помещении, продолжала глазами вглядываться в глаза существа, когда-то ставшего капитаном Мурильо.

Под ее пристальным взглядом это существо прошло к столу. Под топографическими картами оно разыскало конверт и его смиренно протянуло Эль-Нассару. К тому времени Повелитель из-за стола поднялся на ноги. Сурово сдвинув брови, он наблюдал за действиями манекена, в который его придворная магиня превратила капитана Мурильо. Эль-Нассар из рук этого существа принял конверт, но не стал его раскрывать, чтобы прочитать письмо, вложенное в этот конверт. Ивонн де ля Рунж дождалась, когда письмо окажется в руках Эль-Нассара, чтобы бывшему капитану задать еще один вопрос.

– На кого ты работал?

Этому существу почему-то вдруг стало очень душно, чтобы продышаться он на своем камзоле расстегнул верхние пуговицы. И на выдохе с большим трудом прохрипел:

– На Черного Духа, которого вы почему-то называете Координатором!

Этот его ответ оказался столь неожиданным, что караульные едва ли не все семеро одновременно громко вдохнули и также громко выдохнули воздух, а затем в помещении палатки снова воцарилась тишина. Эта тишина нарушалась только изредка вопросами, задаваемые придворной магиней и едва слышными ответами бывшего капитана Мурильо.

Ивонн де ля Рунж была настроена из бывшего капитана выбить всю информацию, которой тот обладал касательно событий в свое время происходивших в этом военном лагере и в султанате Гурам перед началом вторжения войск Координатора.

Первым делом она попыталась выяснить, каким образом ему удалось уничтожить стражников Призрачной стражи, до конца остававшихся верными своему Повелителю воинов?! Эль-Нассар подошел к магине, встал по правую руку от нее, тем самым выражая готовность ее поддержать в любую минуту допроса изувера. Обратив внимание на то, что Повелитель занял позицию с правой стороны придворной магини, лейтенант Кимвелл решил собой прикрыть ее левый фланг. Одновременно кивком своей головы он приказал семерым караульным окружить их всех троих плотным кольцом, чтобы у Мурильо и мысли не возникли бы о возможности бегства из палатки со своего допроса!

Магиня продолжала Мурильо задавать вопрос за вопросом, не обращая ни малейшего внимания на то, что происходило вокруг нее самой. Вся сила своей воли она направила на то, чтобы до конца сломить силу волю капитана Мурильо, от него получить требуемую Повелителю информацию по всему делу, которыми тот занимался в лагере. К какому-то моменту ей удалось окончательно сломить волю капитана Мурильо, едва слышным голосом он продолжил рассказывать об всем том, что происходило в лагере.

– Я был одним из помощников-слуг Черного Духа! Он меня и отправил служить в этот лагерь для того, чтобы я его со временем превратил в ловушку для Эль-Нассара, Повелителя султаната Гурам! –

Ивонн де ля Рунж с тревогой наблюдала за тем, что с каждой прошедшей минутой капитану Мурильо становится все трудней и трудней дышать, а также говорить. В его горле начались непонятные хрипы. После каждой произнесенной фразы ему требовалось время для того, чтобы прокашляться и восстановить дыхание. Порой Мурильо не мог произнести ни единого слова, в его дыхательном горле были слышны очень странные всхлипывания. Хрипота и всхлипывания не позволяли капитану четко формулировать и произносить слова, причем эти помехи усиливались с каждой минутой. Наступил момент, когда бывший капитан перестал себя контролировать из-за нехватки живительного воздуха в легких. Он руками ухватился за шею, начал ее расцарапывать, чтобы самому себе помочь воздух протолкнуть в легкие. Вдруг простые ногти на его пальцах начали быстро расти и удлиняться, превращаясь в острые ножи-когти.

Этими своими пальцами с ногтями-ножами Мурильо быстрыми движениями своих рук сделал на шее глубокие порезы. Порезы тут же тут же наполнялись кровью и сукровицей. Последним движением и как бы одновременным ударом своих пальцев-ножей Мурильо рассек свое горло от уха до уха. Когда его пальцы-ножи рассекли трахею, то он перестал дышать, а из открытой раны тонкой струйкой потекла ядовито-желтая пена. Страшно захрипев, существо, когда-то бывшее капитаном Мурильо, свалилось на пол палатки.

В падении тело бывшего капитана Мурильо начало видоизменяться. Его ноги несколько удлинились, своими коленями вывернулись вовнутрь. Они стали подобием колен древнего Сатира. Его руки у него самоудлинились раза в два раза! Торс тела стал похожим на бочку. Голова приобрела клинообразную, вытянутую форму. Она стала чем-то напоминать голову амазонского крокодила. Когда трансформация тела капитана Мурильо закончилась, то на полу палатки лежало тело так называемого Черного Монстра Преисподней! Разве что, него не было чертовских рожков на голове. Прошло пара минут, за это время туша демона Преисподней усохла, истлела и рассыпалась в прах.

Лейтенант Кимвелл, сохраняя самообладание, караульных выстроил в короткую шеренгу. Прошелся вдоль нее и, заглядывая им в глаза, строго-настрого приказал:

– Как только вы семеро переступите порог палатки, то вы напрочь забудете обо всем том, чему стали невольными свидетелями! Никому ни слова! Даже на смертном одре держите свои языки за зубами! Никому, даже родной матери, ни о чем не рассказывайте! Если я когда-либо услышу или до меня донесут весть о том, что кто-то из вас начал трепать языком, то такого

трепача я обязательно разыщу и по-своему накажу! Надеюсь, что вы меня хорошо поняли, мошенники?! А теперь отправляйтесь-ка на свои посты, языки держите за зубами!

Когда последний караульный покинул помещение палатки, то Магиня Ивонн Де ля Рунж подошла к кучке праха, оставшегося от капитана Мурильо, голема Черного Монстра Преисподней. Она присела на корточки и осторожно этот прах собрала на бумажку, а затем его ссыпала в специальный черный мешочек. Магиня выпрямилась и, внимательно посмотрела на лейтенанта Кимвелла, затем свой взгляд она перевела на Эль-Нассара. Немного подумав, Ивонн Де ля Рунж решила, что оба мужчины заслуживают ее объяснений всего того, что только что произошло на их глазах в этой палатке. Голосом она начала им рассказывать долгую историю капитана Мурильо, как человек стал големом Преисподней! Она рассказывала историю голема, в основном обращаясь к Эль-Нассару:

– Это искусственно созданное и оживленное существо, назвавшее себя капитаном Мурильо когда-то был человеком! Но согласился на то, чтобы стать глиняным големом, его по своему подобию создал один из демонов Преисподней по имени Черный Монстр! Новое тело своего голема Черный Монстр слепил из белой глины, после чего он в это тело вдохнул разум. Причем, голема ограничили по разуму, наделив его только теми человеческими способностями, которые ему позволят выполнять поручаемые функции. Таким образом, этот голем как бы на время стал человеком с тем, чтобы он мог бы выполнить всего лишь две задачи в этой своей жизни! Иными словами, этот голем под именем капитан Мурильо должен был уничтожить Призрачную стражу, а затем он должен был бы найти и задержать самого Повелителя султаната Гурам! Первую задачу этот голем успел уже выполнить, а вторую задачу, как вы сами могли наблюдать, мы ему не позволили выполнить! И тогда он самоликвидировался!

– Принимая во внимание тот факт, что капитан Мурильо не мог принимать самостоятельных решений, то, по моему мнению, в лагере должен я находиться послушник самого Координатора, они их называть проводниками! Именно послушник-проводник курировал повседневные действия этого голема-человека. Послушник принимал решение по тому или иному вопросу и определял, в каком направлении капитан Мурильо должен был бы работать! – Продолжала рассказывать Ивонн де ля Рунж. – Омар, когда Кимвелл вез нас обоих в этот лагерь, то я сразу же обратила внимание на некоторые несуразности, странности и несовпадения в его рассказе о событиях, происходивших в лагере за последние годы.

– Извини, Ивонн, я тебя тогда не совсем понял, что ты конкретно имела в виду, вспоминая рассказы Кимвелла.

– Когда лейтенант Кимвелл говорил о капитане Мурильо, то он однажды упомянул о том, что тот, будучи лейтенантом Призрачной стражи, вдруг неожиданно для всех получил чин капитана и стал комендантом всего лагеря! Ты понимаешь, Омар, получается, что Мурильо одним прыжком удалось перескочить через несколько офицерских должностей! Еще тогда я решила провести расследование того, как Мурильо стал капитаном и комендантом всего лагеря! Еще тогда я предположила, что Мурильо удалось это сделать потому, что он был таким же всем хорошо известным воякой, каким у тебя в свое время был капитан Борг! С Боргом мне посчастливилось самой несколько раз повстречаться, прежде чем он пропал! Могу тебе, Омар, только сказать, что при каждой нашей встрече Борг на меня производил огромное впечатление! О лейтенанте Мурильо я никогда и ничего не слышала, наши пути с ним никогда не пересекались! И ты, Омар, представляешь однажды Совет воинов военного лагеря под Нуаром единогласным голосованием лейтенанта Мурильо производит в капитаны, и его назначает комендантом лагеря! Что самое удивительное в этом назначении, уже на следующий после вынесения такого решения и назначения капитана Мурильо комендантом лагеря этот же самый Совет воинов самораспустился, а капитан Мурильо самым невероятным образом превращается в диктатора с неограниченными полномочиями на всей территории лагеря! Такое поло-

жение дел позволило мне предположить, что капитан Мурильо не просто так становится местным диктатором, что тут не обошлось без психологического вмешательства извне!

Придворная магиня перевела дыхание и, продолжая внимательно смотреть на Эль-Нассара, она вдруг утвердительно кивнула головой. К этому времени Эль-Нассар сумел научиться свою придворную магиню понимать с полуслова, с полувзгляда! После этого ее кивка головой, Повелитель поднялся на ноги и, подойдя к лейтенанту Кимвеллу, ему сказал:

– Кимвелл, я подтверждаю свое решение о присвоении тебе звания лейтенанта Призрачной стражи! В этой связи я хотел бы лично тебя поздравить, а также сообщить о том, что с этой минуты ты становишься старшим командующим офицером этого лагеря! В кратчайшие сроки ты должен навести в нем армейский порядок! Думаю, что ты не будешь возражать против присвоения сержанту Сандербергу первого офицерского звания – младшего лейтенанта! Вместо тебя теперь он примет на себя командование полуэскадром конной разведки и вместе со своими людьми перейдет в подчинение нашей придворной магине! Да, и едва не забыл тебя проинформировать о том, что придворная магиня Ивонн де ля Рунж становится руководителем без офицерского звания нашей оперативно-полевой и агентурной разведки! Лейтенант Кимвелл, – продолжил Эль-Нассар, – я предлагаю тебе первым делом подумать о том, что надо делать с этим лагерем?! По моему мнению, нам его следует уже завтра покинуть! Мы должны перебраться на какое-либо новое место и там построить свой новый базовый лагерь! Чуть позже перед отходом ко сну я предлагаю провести совещание, на котором мы могли бы обсудить этот вопрос и по нему принять решение! Я вас попрошу на это совещание пригласить всех тех офицеров, кого пока еще можно было бы найти в лагере! По крайней мере, я смогу с ними познакомиться!

Лейтенант Кимвелл молча голову склонил, подтверждая свою готовность исполнить полученный приказ Повелителя. Этот в недавнем прошлом сельский парень выпрямился во весь свой немалый рост. Кулаком правой руки он с некоторым изяществом грохнул по той части кирасы, которая прикрывала его сердце, и с гордо поднятой головой покинул помещение штабной палатки Повелителя.

Глава 3

1

Борга мне удалось-таки разыскать, но только под самый вечер этого же дня. Неизвестно каким образом, но он сумел мимо меня пробраться на борт биремы и заснуть прямо на палубе по левому борту биремы. Это место он, видимо, себе выбрал заранее и подальше от беспокойного причала, к которому бирема стояла пришвартованной правым бортом. По левому борту был слышан лишь один только успокаивающий плеск океанских волн, тихо бьющихся о борт судна. Но вот по правому борту на причале порой творилось черт знает, что! И это «черт знает, что» означало возвращение членов экипажа на борт биремы ему, шум при этом всем издаваемый был настолько громким, что Борг, наверняка, вряд ли смог бы хорошенько выспаться после своего загула на берегу.

Во второй половине дня на бирему начал возвращаться ее экипаж! Вы мне поверьте, что ничего подобного я в своей жизни раньше не видел! Моя бирема вдруг превратилась в приемный покой городской больницы, городские извозчики к биреме на причал то и дело подвозили каких-то увечных, травмированных и раненых, а также в стельку пьяных матросов! Герцогу Форенкульту пришлось на время позабыть о своем новом назначении, вернуться к старой профессии корабельного доктора. Засучив рукава, он принимал на руки и тут же начинал излечивать наших горемык.

Большого всего в развернувшемся бедламе на причале меня поразили две вещи. Первая, это с каким уважением и почтением городские извозчики моих лыка не вяжущих матросиков

подвозили к биреме! Даже к британским королевам в годы расцвета их монархо-диктаторского правления верноподданные не относились с подобным почетом и пиитом! Каждому матросу извозчик подставлял скамеечку, чтобы тому, пьяненькому, было бы удобно сползть с его повозки. А затем под белы ручки они их подводили к корабельному врачу на лечение. Только после краткого курса приема нашатыря, когда матросик чуть-чуть приходил в себя, Форенкульт ему предоставлял возможность самостоятельно по сходням вползть на борт биремы.

И вторая, корабельный доктор герцог Форенкульт продемонстрировал свое умение иметь дело и лечить эти заблудшие души. Весь вечер он не отходил от сходен, принимая на руки членов нашей команды. Напившихся до полной невменяемости матросиков Форенкульт первым делом приводил в сознание. Я собственными глазами наблюдал за тем, как наш герцог на высоком профессиональном уровне вел прием пациентов. Он не останавливался и перед тем, чтобы тут же на причале проводить небольшие операции, зашивая и дезинфицируя спиртом ножевые раны или глубокие порезы у матросов.

Я же по своей неопытности или по глупости слишком уж увлекся своими наблюдениями за всем происходящим, и, видимо, все же прозевал появление и проход по сходням своего старшего помощника. Или же Борг сумел-таки мне отвести глаза, когда он тайком пробирался на бирему. Да и дневальный матрос, выставленный майором Форенкультом у сходен, ни единым словом не обмолвился о его возвращении! Хотя он был обязан меня информировать обо всем, чтобы не происходило на борту биремы или на причале рядом с ней.

К слову сказать, Форенкульт принял мое предложение и, став майором, успел встретиться и кратко переговорить с валенсийскими докерами. Он даже сумел с некоторыми из них договориться о службе в нашей морской пехоте. Естественно, за краткое время с момента своего назначения на новую должность, он пока еще многого не успел сделать, так как был вынужден бросить все свои дела и срочно заниматься приемом на борт увечных и травмированных членов экипажа. Но повторяю, мне очень понравился его энтузиазм, с которым он принялся за свою новую работу.

В тоже самое время я был несколько разочарован откровенным нежеланием старпома Борга со мной сотрудничать по различным вопросам. Вы же меня хорошо понимаете, что надо мной дамокловым мечом повисла финансовая проблема, где бы нам найти денег на ремонт «Весенней Ласточки»?! Если эту проблему я не решу до завтрашнего утра, то завтра не смогу с валенсийскими купцами подписать договор на ремонт биремы, не смогу вернуть документы на бирему из-за полного отсутствия флоринов в нашей судовой кассе. На деле все это могло бы только означать, что мы оба потеряем право собственности на «Весеннюю Ласточку» и ее навсегда потерять. За один только вечер этого дня я не менее десяти раз проходил по верхней палубе биремы, высматривая среди спящих матросов своего старпома, но его среди них попросту не было!

Уже перед самым закатом Желтого Карлика, когда вечерняя темнота начала окутывать портовый городок Валенсию, я в очередной раз и на этот раз с горящим факелом в руке прошелся по верхней палубе своего судна. Вы можете мне не поверить, но совершенно случайно я вдруг наткнулся на спящего старпома. Борг спал, головой пристроившись на бухте канату, лежа на спине и широко разбросав по сторонам свои руки и ноги. Причем он спал ни от кого не скрываясь, перегородив своим телом свободный проход по левому борту биремы. Спал, сладко по-детски похрапывая полураскрытым ртом.

Я собственными глазами наблюдал за тем, как матросы, поднявшиеся на ноги, осторожно его обходили стороной, совершенно не желая его разбудить или потревожить. Присмотревшись к лицу спящего Борга, мне сразу же бросилось в глаза то, что мой старпом, даже в спящем состоянии, имел вид человека весьма довольного самим собой! Читая по его лицу, смело можно было бы сказать, что он от души погулял вчерашним вечером и сегодняшним днем. По его позе, в которой Борг спал, а также по его легкому храпу с присвистом можно было бы также

утверждать, что совесть у этого человека была абсолютно чиста и сам он ни в чем невинен. Разве что только в том, что пил только ямайский ром и ни с кем так и не подрался.

Наткнувшись на Борга, я искренне обрадовался, по себя решив, что, если я его разбужу, то мы вместе разрешим все наши проблемы!

Правда, в глубине своей души я все же оставался несколько раздосадованным увиденной картиной спящего Самсона в образе моего старпома! Понимаете, мой старший помощник Борг крепко и сладко спал в то время, когда я так нуждался в его поддержке, в помощи и в совете! Первые два дня совместного с ним общения и сотрудничества мне показали, что на Борга и на его совет я всегда мог положиться и рассчитывать! Он обладал достаточно богатым жизненным опытом и к тому же был хватким парнем, побывавшем во многих жизненных переплетках. Он не терялся и сухим выходил из сложнейших ситуаций!

В данный же момент этот человек вместо того, чтобы мне помогать и советовать, крепко спал. Выходило, что ему было попросту наплевать на наши с ним общие проблемы! Почему тогда я один должен изворачиваться, искать выходы из сложнейших ситуаций положений?! Если я сейчас с ним не обсужу проблему судовых бумаг, то завтра и я, и он, мы оба лишимся «Весенней Ласточки»! Я подошел к своему спящему старшему помощнику и стал трясти его за плечо, желая разбудить этого буйвола с тем, чтобы он хотя бы немного пораскинул бы своими мозгами. Нам нужно было срочно разыскать семьдесят плюс десять тысяч золотых флоринов на ремонт биремы и выкуп судовых бумаг на нее!

Сегодня днем я с местными купцами договорился, что мы завтра утром встретимся и подпишем договор на ремонт биремы на семьдесят тысяч золотых флоринов. Я также с ними договорился и о том, что они мне вернут судовые бумаги на бирему за те же десять тысяч флоринов, которые они заплатили мошеннику, всучившего им фальшивые бумаги. Наша встреча была назначена на десять часов утра завтрашнего дня. В ходе этой встречи я им должен был выплатить задаток в тридцать три тысячи золотых флоринов и десять тысяч флоринов за бумаги. Как вы сами понимаете, стал бы я так волноваться и беспокоиться о завтрашней встрече, если бы эти деньги уже были бы у меня на руках?! Но в данный момент, сейчас было где-то около десяти часов вечера по местному времени, на руках у меня таких больших сумм денег не было!

Продолжая своего старпома трясти за плечо, я своим правым тапочком, одетым на босу ногу, от нетерпения начал выбивать нервную дробь о деревянную палубу судна. Старпом Борг продолжал спать, он даже не пошевелился на эту мою легкую дробь правой ногой, мною выбиваемую прямо под его правым ухом. Наступил момент, когда и мне стало ясным и понятным, что я понапрасну теряю столь дорогое время, сотрясая плечо этого буйвола, этого молодца ничто не в силах разбудить!

Стоя рядом и, поглядывая на своего спящего друга, я не знал, что же мне дальше делать, как его можно было бы разбудить?! Одним словом, мне ничего не оставалось, как снова начать его трясти за плечо. Как говорится, и эта новая порция встряски не принесла должного успеха, спящему буйволу, в образе человека, все было нипочем! Я бы даже сказал, что этой встряской за плечо я его как бы еще больше убаюкивал! Она ему была подобна ласковому, одобряющему похлопыванию буйвола по крупу.

В этот сложный для меня исторический момент, когда я терялся в загадках, решая, что же мне дальше делать, как мне разбудить своего спящего друга!? Герцог Форенкульт, по своим делам пробегавший по левому борту, увидев меня, остановился. Притормозив, он несколько удивленно на меня посмотрел. Видимо, он так и не понимал, с какой это целью я своего старпома трясу за плечо?! Но герцог все же догадался, что своей нежной встряской за плечо старпома, я пытаюсь его разбудить. Продолжая молчать, ни о чем меня не спрашивая, он с палубы подхватил матерчатое ведро и им прямо с борта биремы черпанул забортной воды. Через мгновение прохладная морская вода прервала сон моего старпома. Громкий вопль, а затем не менее громкозвучащие проклятия как бы мне подсказали, что мой Борг, наконец-то, проснулся!

Форенкульт, опять-таки не спрашивая на то моего разрешения, меня покинул. Он свой скоростной забег по своему делу продолжил по левому борту биремы. За эти мгновения я мало чего успел сообразить, как след герцога-наглеца растворился в темени ночи. Я не успел ему приказать вернуться, как перед собой увидел разъяренное лицо старпома Борга. Люди, разбуженные таким неделикатным образом, они обычно самих себя ведут непредсказуемо! Так и Борг, если судить по его дикому реву и выражению лица, был готов меня разодрать на куски. В тот момент яблоки глаз старпома были ярко-красного цвета и, если судить по движениям, то сам он пока еще ничего не соображал, не понимал, что с ним происходит?! В нем наружу рвалось одно только желание наказать, прикончить или порвать на куски, того наглеца, вылившего на него ведро холодной забортной воды!

Но как я уже говорил, прямого виновника этого происшествия, герцога Форенкульта, давно и след простыл в ночи! Таким образом, я в полном одиночестве и в полной растерянности предстал перед этим злобным зверем, не вовремя разбуженного. Тем не менее и Борга хватило одного мгновения для того, чтобы распознать и оценить ситуацию, сложившуюся к настоящему моменту. Злобная улыбка на его устах, сначала сменилась на некоторую растерянность, а затем его губы сами собой вытянулись в добродушный оскал утихомирившегося зверя. Мне стало ясным, что Борг все-таки сумел прийти в себя и сообразить, что это именно я перед ним нахожусь!

Разумеется, основное сознание Борга пока еще почивало на стороне, досматривая свои последние сновидения. Вероятно, по этой причине Борг не сразу ухватил суть проблем, которые я быстрой скороговоркой ему начал перечислять. Мне пришлось ему несколько раз повторять одну и ту же фразу о том, что бирема «Весенняя Ласточка» нам больше не принадлежит! Эту фразу проснувшийся, но пока еще немного пьяный старпом Борг категорически отказывался воспринимать! Он совершенно не заинтересовался моей информацией о производстве герцога Форенкульта в майоры морской пехоты. К этой проблеме он отнесся с той позиции, если хочешь повозиться с этим мальчиком, ему помогая подняться на ноги, то сам и занимайся этой самой проблемой! На двадцатый раз мне удалось ему все же разъяснить проблему с судовыми документами, Борг в ответ лишь только недоуменно пожал своими богатырскими плечами! Что касается подписания договора на ремонт «Весенней Ласточки», то он согласно и очень часто, словно какая-то марионетка, закивал своей головой.

Как мне показалось, мне удалось Боргу перечислить все проблемы, стоявшие перед нами, но я от него так и не получил ни одного ответа на поставленные вопросы. Главное, я не получил ответа, где мы могли бы достать или взять займы денег, чтобы расплатиться за ремонт биремы и за выкуп судовых документов. Как вскоре также выяснилось мой старпом Борг, даже находясь в трезвом состоянии и в трезвом разуме, страшно не любил математику. Поэтому он не умел и не хотел учиться тому, чтобы правильно складывать или вычитать, делить или умножать. То есть, проще говоря, старпом умел и любил свои и чужие деньги складывать ... только в свой карман! Сколько бы я ему не говорил о том, сколько именно золотых флоринов мы должны выложить за ремонт биремы! Он, взрослый человек и состоявшийся мужчина в возрасте сорока лет, в конце концов, полностью запутался в моих простейших сложениях и вычитаниях.

– Хорошо! – Наконец, мой старпом произнес свою первую фразу. – Письмо-патент на присвоение звания морской пехоты герцогу Форенкульту я так и быть напишу! Ты же, Скар, можешь его подписывать или не подписывать! С Форенкультом поступай, как хочешь! Но до меня никак не доходит суть других твоих проблем! Я не понимаю проблем с подписанием договора на ремонт биремы?! Почему ты не можешь обратно получить наши судовые документы?!

Я попытался ему с самого начала и снова рассказать о своей встрече с местными купцами, о переговорах с ними ... Но в этот момент старпом меня тут же остановил, довольно-таки грубо прервав мой рассказ о наших проблемах! Довольно-таки долго старший помощник всматривался в мое же лицо, а затем поинтересовался:

– Скар, почему ты придуриваешься? Ведь, ты далеко не придурок, мне же сейчас говоришь о глупых вещах!

Когда я снова попытался ему рассказать о наших проблемах, возникших еще в момент встречи с местными купцами, то на этот раз Борг меня не прерывал. Он до конца выслушал все мои сентенции, а потом сказал:

– Скар, не пора ли тебе прекратить снова и снова повторять свои глупости! Мне не нужны все детали и подробности твоей случайной встречи с местными купцами! Ты меня должен правильно понять, что во время суточного выпивона с друзьями и приятелями у меня от рома прямо-таки голова разваливается и болит! А тут еще ты меня добиваешь своими ненужными и никому в этом мире непонятными подробностями! – Старпом Борг невежливо принялся мне объяснять, как он со стороны видит все мои проблемы.

– Из всех твоих объяснений, Скар, мне становится понятным, что у тебя возникла проблема с денежными выплатами и по договору о ремонте, и за возвращение судовых документов! И из-за этих своих проблем, Скар, ты меня разбудил?! А у меня болит голова, единственным лекарством, способным меня вылечить от головной боли, – это ямайский ром! Но за эти сутки я его столько выпил, что в меня это лекарство больше не лезет! Тогда бы сон, нормальный человеческий сон, мог бы облегчить мои мучения и страдания! Ты же, придурок, меня постоянно будишь этими своими по-детски наивными рассказами! Ну, ты, Скар, тогда мне честно признайся в том, какую такую проблему современный маг не может или не способен решить! Я не понимаю, какая проблема с деньгами, у тебя, Скар, может возникнуть?! Прочитал свое магическое заклинание, немного потряс руками или попрыгал бы на месте, и ты наколдовал бы ... Ой, ты уж меня, Скар, извини, в этом виновата моя больная и к тому очень глупая голова, ты не наколдовал, а наворожил столько золотых флоринов, сколько тебе нужно было бы расплатиться за свои долги! Да, Скар, ты уж сам займись всеми этими делами, дай больному человеку немного, хотя бы до утра, поспать! –

Через секунду мой старпом Борг уже негромко похрапывал с присвистом. Как только что мне стало ясным Борг по своей жизни вообще не имел проблем!

2

Куранты над городской ратушей отбили одиннадцать часов вечера. Настала пора думать о месте своего ночлега. Последние два вечера, когда рабский ошейник навсегда покинул мою шею, я ночевал в том месте, где меня заставала полночь, иными словами говоря, я ночевал там, где придется. Пару раз я заглядывал в закуток прежнего шкипера биремы, расположенный на нижней палубе, но грязь и его неухоженность – это ни в коей мере не способствовало тому, чтобы я в нем оставался бы на ночь. Прежде чем оставить своего старпома и постараться самому себе найти свободное местечко для сна, я осмотрелся вокруг и от удивления присвистнул.

Несмотря на то, что становилось совсем поздно, полночь вот-вот должна была наступить, верхняя палуба «Весенней Ласточки» начала как бы оживать. Отоспавшиеся за день, матросы понемногу начали отходить от своего тяжкого послепохмельного синдрома-сна и подниматься на ноги. После суточного загула на берегу у них болело тело, руки и ноги, но, главное, головы у этих парней совсем не соображали, они прямо-таки разламывались и болели от выпитого рома. Всеми силами желая избавиться от всех своих болей, к тому же из-за полного отсутствия лекарств на биреме они решили свое здоровье поправить привычной работой. Проснувшиеся матросы, глядя друг на друга, и один за другим брались за швабры и ведра, чтобы приняться за мокрую уборку верхней палубы «Весенней Ласточки».

По этой причине я и присвистнул от охватившего меня удивления, впервые в жизни увидев, как моряки авральной работой по уборке палубы лечатся от своего сильнейшего похмелья! Еще одним, но более удивительным фактом для меня оказалось то, что в этот поздний

час работой занялись одни только матросы, ни одного весельщика среди них я так и не увидел! Если уж по-честному характеризовать моих товарищей по работе на веслах, рабов-весельщиков, то многолетнее рабство убило в них все человеческие черты характера. Главное, за время своего рабства они напрочь забыли, как можно было бы трудиться, не думая о палке надзирателя. Если некоторые из моих бывших товарищей и решили вернуться на бирему, то лишь только для того, чтобы забраться в одну из своих свободных коморок и предаться сладкому сну. Таким своим поведением, сознательным уклонением от работы, они как бы наплевали на только что полученную ими свободу! Так как трудиться на благо всего экипажа или на благо своих товарищей по экипажу они явно не хотели и не собирались! Надеюсь, что теперь вы понимаете, почему я в свои расчеты на будущее своих бывших товарищей по веслу вообще не включал!

Ответственность за соблюдения порядка и чистоты на палубе и в различных отсеках судна всегда лежала и по сей день лежит на старшем помощнике капитана судна. Таким образом, в нашем случае, вся такая ответственность возлежала на старпоме Борге. Тот же, потеряв всякий стыд и совесть, после своего суточного загула отсыпался на верхней палубе! С юта мне было хорошо видно, как матросы, работая швабрами, поднимали с места и гнали прочь своих товарищей и приятелей, отсыпавшихся на палубе. Через некоторое время они приблизились и к спящему Боргу, но его стали аккуратно и осторожно обходить стороной, явно не желая его разбудить. Своей работой эти матросы палубной команды мне, наблюдателю со стороны, как бы еще раз продемонстрировали свое уважение к старшему помощнику.

Я начал расхаживать по юту, свое внимание переключив на самого же себя. Мою голову не покидала мысль о том, где же мне достать столько денег, чтобы завтра расплатиться с валенсийскими купцами. В тот момент у меня не было ни малейшей надежды на то, что мне удастся разыскать и вскрыть еще один тайник прежнего шкипера биремы. В моей голове возникла мысль о том, не перенести ли мне подписание договора на ремонт биремы и выплат по договору еще на один день позже?! Я даже начал просчитывать варианты такой своей просьбы. Но в этот момент в моей голове прозвучал вежливый женский голос.

– Скар, почему бы тебе немного не поработать?! Возьми швабру в руки и ею начни драить верхнюю палубу «Весенней Ласточки»! Такая работа тебе, наверняка, поможет немного охладиться, ты станешь лучше соображать! Если ты к купцам обратишься с просьбой об отсрочки с подписанием договора на ремонт и выплаты финансового гонорара, то они тебе перестанут верить и доверять! Тогда тебе вряд ли удастся вернуть судовые бумаги на бирему! Ты потеряешь не только «Весеннюю Ласточку», но и очень многое в своей новой жизни на Тринидаде! Прими мой совет и послушай совета своего лучшего друга, найди время и еще раз навести закуток прежнего шкипера этой биремы! Там своей магией пройдишь по уголкам и закоулкам этой каморки! Может тебе посчастливиться, и ты в этой каморке еще кое-что найдешь!

В этом незнакомом женском голосе прозвучали мне хорошо знакомые интонации, словно меня снова в чем-то попеняла жена. Но в тот момент у меня не было времени на личные разборки и на выяснение личных обстоятельств. Я подошел к ближайшему матросу, со всем старанием своей шваброй драившего палубу, мысленно к нему обратился с вопросом.

– Паренек, ты не сможешь ли мне добраться до каморки вашего бывшего шкипера?

За два дня анархической свободы матросы палубной команды биремы начали ко мне привыкать, как к новому и не говорящего голосом шкиперу. Еще вчера старпом Борг им разъяснил, что у меня заболели голосовые связки. По этой причине я не могу говорить громким голосом, но мой шепот матросы обязательно услышат. Так что на мою просьбу этот восемнадцатилетний парень ни слова, не говоря мне в ответ, швабру отставил в сторону, жестом руки он меня пригласил следовать за ним.

Каморка или личное помещение прежнего шкипера биремы находилась на нижней палубе слева по борту, перед закутками-нишами рабов весельщиков. Небольшая площадь ниж-

ней палубы была со всех сторон отгорожена ширмой-занавесом. Так что шкипер, находясь в своей каморке мог слышать и при желании, отдернув занавес, мог увидеть все то, чтобы не происходило на этой палубе.

Разумеется, в тот момент, когда матрос меня подвел к этой каморке, то на нижней палубе не было ни единого человека. Рабы-весельщики, как только получили увольнительную, заодно и свободу, то всем кагалом отправились в город пьянствовать и блудить. Ни один из них пока еще не вернулся на борт биремы, видимо, пока еще не успели потратить все свои золотые флорины. Так что нижняя палуба биремы не только полностью обезлюдела, на ней нельзя было услышать ни единого человеческого голоса. К тому же на этой палубе не горело ни единого факела, здесь было очень темно, как простые люди говорят: «было так темно, хоть глаза выколи!» Но в этой темноте я неплохо ориентировался. Когда мы по трапу по ступенькам спустились на нижнюю палубу, то мое зрение само собой приспособилось к этой темноте. Через мгновение в ней я видел так же хорошо, как и при дневном свете!

Тогда я еще удивился тому, что паренек в матросской робе, меня сопровождавший, в этой же темноте тоже неплохо ориентировался! Он меня уверенно подвел к занавесу, отделявшему шкиперскую каморку и резким движением руки его раздвинул. После чего вежливо отошел в сторонку, позволяя мне пройти в помещение шкиперской каморки.

Эта каморка мне сразу же очень не понравилась. Как я уже говорил, она была сильно загрязнена, куда не бросишь взгляд, то повсюду видишь порванные тряпки, старую одежду, которую невозможно было бы одеть. Узкое спальное ложе было все перевернуто и разворочено. Такого грязного постельного белья я не видел за всю свою сознательную жизнь. К тому же оно было порвано в стольких местах, что его теперь можно было бы использовать только в качестве тряпки. На полу рядом со спальным ложем, перевернутым, валялся колченогий табурет. Рядом с табуретом на полу лежал споротый ножом тюфяк спального ложа. Он был сильно искромсан ножом, а сено из него было ключьями расшвыряно по всему помещению каморки.

Чтобы своим поведением не вызвать удивления со стороны сопровождающего меня матроса, слишком уж я уверен чувствовал и вел в такой темноте, я к нему обратился с просьбой:

– Паренек, я не подумал, что на нижней палубе биремы будет так темно! Мне же в этом помещении нужно немного поработать и без свечи я уже не обойдусь! Не был ли ты, паренек, столь любезен принести мне какой-либо светильник, а не то без него я в этом помещении практически ничего не увижу! Тем более не смогу чего-либо записать!

Матрос на эту мою просьбу утвердительно кивнул мне своей головой и тут же помчался выполнять мою просьбу, оставив меня одного. Очень скоро он вернулся с небольшим светильником в руках. Маленький язычок пламени этого светильника тут же высветил завалы мусора и грязи, скопившегося в помещении. Поставив светильник на столик рядом со спальным ложем, паренек на меня посмотрел вопросительно. Легким кивком головы я его отпустил, так я поспешил остаться в одиночестве и начать свои поиски.

Вскоре я убедился в том, что мошенники, выкравшие судовые документы, это помещение посетили гораздо раньше меня. Они, как только начался бой с сумасшедшим магом и погиб шкипер биремы, тут же бросились обыскивать и ворошить его каморку. К моему сожалению, они многое нашли и не только судовые документы на «Весеннюю Ласточку» оказались в их руках! Эти подлецы, отобрав только им нужные документы, остальные бумаги порвали и разбросали по полу. В принципе, как только я это выяснил, то мне стало понятным, что в этом помещении шкиперской каморке мне больше было нечего делать! Как говорится, поезд ушел, меня оставив на позабытом всеми полустанке! Немного подумав, я все же решил еще раз более внимательно осмотреться в этом шкиперском помещении.

Мое внутреннее напряжение и раздражение, по всей видимости, все же сказалось на более эффективном функционировании моего магического дара. Когда я начал присматриваться к каждой отдельной вещи в этой каморке, то в моей голове вдруг стали формироваться

зрительные образы и эпизоды, связанные с этими вещами. Сначала я вдруг увидел, как в эту шкиперскую каморку пробрались два человека. Один из них в руках держал светильник и им подсвечивал своему напарнику, занявшегося обыском помещения. Тот же рьяно переворачивал, рвал и крушил все на своем пути, он явно что-то разыскивал.

К сожалению, мыслеобразы в форме изображения были не совсем четкими. С большим трудом мне удавалось в них разобраться, сообразить, что они мне показывают. Спешить мне было некуда, вся ночь была впереди! Да и в ногах правды не было, поэтому я поднял с пола, перевернул и на пол поставил колченогий табурет, чтобы на нем с некоторым удобством расположиться. Мне требовалось время обдумать создавшуюся ситуацию, разобраться в том, что позавчера в этом помещении все-таки происходило?! Сидя на табурете, я снова внутренне сосредоточился и, закрыв глаза, попытался воссоздать полную картину событий, происходивших в этом помещении два дня тому назад.

В моем сознании начали формироваться иллюзии-картинки, они формировались как бы в полном беспорядке то появлялись, то исчезали в моем сознании. На этих картинках я лицезрел прежнего шкипера, то пьющего чай, то спящего или то покидающего свою каморку. Эти картинки шкипера меня совсем не заинтересовали и не волновали, поэтому их все я прокручивал на быстрой скорости, не вдаваясь в подробности всего, что на них происходило. Но, когда в моем сознании сформировался мыслеобраз с двумя людьми, заходящими в шкиперскую каморку, то я его начал прокручивать с нормальной скоростью.

Один из этих двух человек прошел в каморку и, присев на спальное ложе, принялся внимательно просматривать небольшую кипу листов пергамента. Некоторые листы он аккуратно отбирал и откладывал для самого себя, другие же листы он небрежно швырял на пол. Я с интересом наблюдал за тем, как он под спальным ложем он разыскал шкатулку с деньгами. В ней, видимо, хранилась очень небольшая сумма денег, так как человек был найденным совершенно недоволен! По всей очевидности, найденная шкатулка была судовой кассой биремы «Весенняя Ласточка»! Затем первый человек о чем-то переговорил со вторым человеком. Как я ни старался, но мне так и не удалось получить звуковое сопровождение этого мыслеобраза. Так что я не разобрал и не понял, о чем именно оба мошенника переговаривались.

После разговора пришел в движение второй грабитель, передав светильник своему напарнику, он принялся ломать, крушить и рвать все то, что ему попадало под руки. Если первый человек заранее позаботился о том, чтобы свое лицо скрыть под маской, то лицо второго человека оставалось открытым. В какой-то момент он своим лицом развернулся в мою сторону. Мне хватило одного мгновения его узнать. На изображении я увидел своего личного недруга Махмуда, в недавнем прошлом моего личного палача. Лицо же первого грабителя все это время было скрыто под странной мерцающей маской. Такая мерцающая маска мне напомнила об одном визитере, посетившего мою камеру налоговой тюрьмы два года тому назад. Как результат того посещения человека в мерцающей маске, я стал рабом-весельщиком биремы «Весенняя Ласточка».

Последовала сцена погрома, устроенного обоими мошенниками в шкиперской каморке. Она стала финальной в череде мыслеобразов с этими мошенниками.

Кое-что в этой сцене меня обеспокоило. Я решил во второй раз просмотреть последнюю минуту того, что мыслеобразами смоделировало мое сознание. И снова на последних секундах демонстрации этого мыслеобраза промелькнул не совсем мне понятный кадр. Тогда мыслеобраз я прокрутил в третий раз, успев его застопорить в требуемом месте. На кадре промелькнула какая-то мне непонятная схема. В течение целой минуты я всматривался в эту схему. Пока в моей голове вдруг не появилось понимание того, что эта была схема шкиперской каморки. На ней были точки красного и зеленого цвета. Ими были, видимо, нанесены расположение тайников шкипера биремы «Весенняя Ласточка»!

Причем, я едва ли не сразу же догадался, что тайники, обозначенные красным цветом либо обнаружено, либо пусты, в них не было денег. Только одна точка на схеме горела зеленым цветом! Разобравшись со схемой, я ее сориентировал по помещению, чтобы было бы сподручнее искать шкиперский тайник, помеченный зеленым цветом. Затем, уже действуя по схеме, я спальное ложе передвинул на другое место, осмотреть, а затем пальцами рук ощупать ту часть пола или нижней палубы. Она была покрытым толстейшим слоем грязи и пыли, но все равно мне удалось прощупать плохо закрепленную половицу. В глубине тайника моя правая рука нащупала небольшую, но очень тяжелую шкатулку.

Вскоре после обнаружения тайника в шкиперском закутке я все вещи расставил по местам и, на ходу задув огонек ночника, начал по трапу подниматься на верхнюю палубу биремы. В последнее время на своих плечах я стал носить рубашку до колен рубашкой, пошитую из мешковины. Был вынужден это сделать, так как мой старпом Борг вдруг решил, что шкипер такого приличного судна, как «Весенняя Ласточка», по ее палубам не имеет права разгуливать в полуголом виде. Когда Борг меня увидел в этой рубашке, то сначала он от всей своей души расхохотался. А потом, продолжая смеяться, но не зло, он мне посоветовал подол этого своего рубища обшить красной каймой! Я прекрасно знал о том, что в Древнем Риме только римским сенаторам было разрешено носить хитоны с красной каймой по подолу! Но постепенно я начинал привыкать к его шуточкам или, по крайней мере, я на них перестал на них обращать внимания!

Пройдя в свою магическую каюту, я тут же занялся шкатулкой, только что найденной в тайнике шкиперской каморки. Подняв ее крышку, я убедился в том, что она до краев была полна золотыми флоринами. Их оказалось ровно тридцать тысяч! Мне хотелось бы вам честно признаться в том, что такая находка стала второй серьезной удачей в этой моей новой жизни на Тринидаде! Мне повезло обнаружить шкиперский тайник со шкатулкой, полной золотых флоринов, неожиданно для самого себя я стал обладателем весьма значительной суммы денег! Но этих денег все равно не хватало на то, чтобы завтра утром я мог бы сделать хотя бы авансовый платеж по договору о ремонте биремы. Мне также не хватало десяти тысячи флоринов, которые я пообещал выплатить за судовые документы на бирему «Весенняя Ласточка».

Так что мне очень здорово повезло, но найденными деньгами я все равно не мог бы расплатиться с предстоящие мне завтра платежами. Да и после такого серьезного подарка судьбы мне надеяться вообще было больше не на что! Разве что не попытаться вернуться в шкиперскую каморку и там возобновить свои поиски второй шкатулки?! Но, как вы сами знаете, что удача дважды в одни и те же руки не приходит! Да и было бы глупо надеяться на то, что в шкиперской каморке после такого разора могла бы сохраниться еще одну шкатулка с деньгами! В данном случае, как об этом старпом Борг любил говорить, мне следовало бы рассчитывать только на самого себя!

Я шкатулку с деньгами поставил на палубу, сам сосредоточился и в своем сознании воспроизвел вторую аналогичную шкатулку. В мою голову сами собой пришли слова краткого заклинания. Эти слова я мысленно произнес медленным речитативом. Мои руки сами собой поднялись кверху, а затем снова упали на мои колени. Закончив чтение заклинания, я открыл глаза свои, а руки потянул к шкатулке, собираясь ее поднять с палубы. При этом в моем сознании отчаянно билась мысль о том, что эта моя ворожба не удалась! На полу должна была лежать всего лишь одна шкатулка! Но, когда я посмотрел вниз на пол, то успел увидеть, как от моих рук к этой шкатулке вдруг протянулась и сразу же пропала ярко-зеленая дуга.

От полной неожиданности, а также от большой яркости свечения зеленой дуги, я всего лишь на долю секунды прикрыл оба своих глаза. Когда же я их снова открыл, то у моих ног на палубе лежали две совершенно идентичных шкатулки! Не могу сказать, сколько времени я просидел с обеими руками, протянутым к обеим шкатулкам, решая, которая из них ранее принадлежала шкиперу! Или какая теперь из них стала моей шкатулкой?! Я долго присмат-

ривался к обеим шкатулкам, смотрел и никак не мог решить, чем же именно они отличаются друг от друга?!

3

И на этот всего лишь третий день своей свободы от рабского ошейника я утро встречал, стоя в полном одиночестве на верхней палубе «Весенней Ласточки», терпеливо ожидая появления валенсийских купцов на борту биремы.

Взгляд с палубы биремы на все то, что в данный момент происходило на причале у схода биремы, как бы подтверждал мою мысль о том, что герцог Форенкульт вступил в исполнение своих новых служебных обязанностей. У схода биремы все еще продолжалась кутерьма с возвращением в родное лоно пьяных личностей, желающих продолжить свою службу матросами в экипаже моей биремы. Герцог, а теперь уже и майор Форенкульт у этих самых схода продолжал прием и одновременно лечение пациентов. Иными словами, он в это утро пока еще оставался корабельным врачом и одновременно становился командиром роты морской пехоты. Он пока еще не получил письма-патента на офицерское звание, но, видимо, решил его не ожидать и уже приступил к формированию своей роты. Я собственными глазами наблюдал за тем, как к нему помимо подносимых на носилках пациентов, то и дело подходили качки, очертаниями своих мощных фигур они напоминали тех самых валенсийских докеров, за работой которых вчера я имел возможность наблюдать.

Приведя в сознание очередного пациента, только что принесенного на носилках, майор Форенкульт одновременно о чем-то переговаривался с одним из таких качков. После короткого разговора с майором бывший докер от него отходил, почесывая свой затылок, о чем-то размышляя. Обе очереди к герцогу Форенкульту неспешно, но и не очень-то равномерно продвигались вперед.

Впервые мне пришлось наблюдать подобный порядок на причале рядом со своей с биремой. Ни тебе диких криков, ни тебе громких стонов и воплей матросской пьяни, приходящей в сознание от нашатырного спирта.

С каждой минутой мне становилось скучно и неинтересно наблюдать за работой майора Форенкульта. Я уже было собрался зевнуть, даже свою правую руку поднес ко рту, чтобы ладонью из-за скромности его прикрыть, как в этот момент увидел своего старшего помощника Борга, вернее, его зеленую тень. Разумеется, я с вами соглашусь в том, что люди никогда не бывают зелеными тенями, так как природа подсутилась и наши тени всегда и повсюду черными силуэтами следуют за нами! Но могу утверждать с рукой на Библии, что в то утро я наблюдал тень старшего помощника Борга и она все же была зеленой!

Заметив, что я его увидел, зеленая тень скорчилась в гримасе от дикой головной боли. Но к герцогу Форенкульту она за помощью так и не подошла, а попросту с верхней палубы биремы сиганула в океан. Я уж было собрался свистать всех наверх и спасать своего Борга, но вовремя спохватился и сообразил, что никого из тех, кого можно было «свистать всех наверх», пока еще в природе не существовало. Экипаж биремы «Весенней Ласточки» только вчера прекратил свое существование, так что нового экипажа у нее пока еще не было! Сам же я плавать не умел, но, тем не менее, подошел к краю палубы, чтобы с нее сигануть в океан вслед за своим старшим помощником. Ведь, его же требовалось спасать! В этот момент Борг живым и здоровым, но с легкой зеленой тенью на лице, всплыл на поверхность океана и размашистыми саженками поплыл прочь от биремы.

Бросив взгляд на то, что продолжало происходить на причале у схода биремы, я обратил внимание еще на одну интересную вещь. Один из качков после разговора с майором или с герцогом Форенкультом, с плеч сбросил свою рабочую робу и, оставшись в одном тельнике с черно-желтыми полосами, приступил к исполнению обязанностей дневального матроса, встав у схода. Таким образом, это позволило мне прийти к пониманию того, что герцог Форенкульт

все-таки согласился принять мое предложение. За одну только ночь он разыскал валенсийских докеров и сделал им деловое предложение поступить на службу в его роту морской пехоты.

Я вернулся в свою магическую каюту, существовавшую только в моем воображении. Если бы ее попытались бы разыскать на биреме, то сколько бы вы не искали, никогда не смогли бы ее найти. Мне захотелось поспать еще один часок до момента появления валенсийских купцов на биреме. Они должны были бы прийти вместе со своим нотариусом. Последние деньки в этой магической каюте мне жилось легко и привольно, ни один человек в мире Тринидада не смог бы меня найти потревожить мой отдых. Только Борг, мой старший помощник. Иногда вместе со мной поводил в этой каюте время.

Бросившись в объятия удобного спального ложа, я тут же задремал, как только моя голова коснулась подушки. Мне начался сниться сон с красивым летним пейзажем Земли, моей родной и любимой планеты, которую меня заставили покинуть с непонятной целью.

Внезапно это моя идиллия дремоты была прервана тем самым женским голосом, который так мне помог в поисках шкатулки с флоринами в шкиперских тайниках. Передо мной вдруг прямо из воздуха выкристаллизовалась красивая и стройная женщина. О такой женщине любой мужчина мог бы только мечтать, настолько она была красива и прекрасно сложена! По моему глубокому убеждению, подобные женщины существуют только в наших мечтах или же на небесах!

– Ну и что, Стар, этими своими глупейшими мыслями ты мне хочешь сказать?! – Это в моей голове прозвучал хорошо знакомый женский голос.

– Ты теперь меня будешь всегда призывать к себе на помощь только в трудные минуты своей жизни. Тем не менее, как мне только что показалось, ты даже начал забывать о моем существовании?!

Красавица было явно рассержена моими мыслями, а также моим все еще продолжающимся молчанием. Она начала разворачиваться, явно собираясь меня покинуть. Понимаете, я не мог этого допустить. Не хотел с ней расстаться, не узнав ее имени, чем она занимается, поэтому решил продолжать валять дурака.

– Прошу меня, миледи, извинить, но вы не должны прерывать нашего разговора! Вы не должны меня покидать, к тому же вы мне так и не представившись!

Вежливым голосом джентльмена я мысленно произнес эти две фразы, но, видимо, этими словами я только масла подлил в огонь. Эта красавица явно разгневалась, услышав, о чем я думаю. Она ко мне развернулась и не менее гневным голосом произнесла:

– Это ты что ли, Скар, произносишь насквозь фальшивые слова?! Какое право ты так подумал, почему ко мне обратился подобными словами? Да и как ты смел меня, богиню ночного небосвода Тринидада, называть «своей миледи»? Будучи одной из богинь Тринидада, я никогда не стану твоей женщиной. По статусу, занимаемого мною в настоящий момент, мне ничего подобного не положено! Это ты, Скар, а не я тебя, обязан меня любить, носить на руках и вообще всячески меня баловать за одно лишь то, что я, дура, согласилась тебе помогать на Тринидаде!

В одно мгновение эта ситуация прояснилась, я догадался о том, что перед собой вижу Эллиду, свою любимую богиню Тринидада! Прежде она никогда передо мной не появлялась в столь полном объеме, подобной красивой женщиной. По этой причине я ее и не признал. Эта сцена моей встречи-размолвки с прекрасной тринидадской богиней, видимо, происходила во сне. Я только хорошо помню, как перед ней стоял на коленях, обеими руками обнимая ее за осину талию, с силой притягивая ее к себе.

– Не смей об этом даже подумать, Скар! – Уже менее гневным голосом мысленно произнесла Эллида, но металлические нотки в ее голоса пока еще по-прежнему проскальзывали. – Перед тобой не простая женщина, а богиня!

Но меня уже было не остановить! Вы же сами понимаете, два последние года своей жизни я провел за веслом биремы, пребывая в рабском состоянии! В эти годы твоим единственным утешением было одно лишь весло биремы, которым ты изо дня в день накачивал свой пресс. В течении этих долгих двух лет женщины мне даже и не снились! Вы же сами понимаете, что жизнь без женщины для любого мужика – это вполне серьезная житейская проблема, она сама о себе частенько нам напоминала! Поэтому с Эллидой я себя повел именно таким образом, каким мужики себя ведут, когда обнимают и ласкают любимых женщин. Одним словом, с Эллидой я себя повел таким образом, несмотря на то, что была богиней и не только по занимаемой ею статусу, но и по красоте!

То есть между мной и Эллидой начало происходить именно то, что обычно и происходит между любящими друг друга мужчиной и женщиной. Сначала мы занимались трогательными касаниями друг к другу, одновременно Эллида от меня отбивалась своими нежными кулачками, громко и яростно меня проклиная! Затем мы начали друг друга ласкать и целовать. К слову сказать, Эллиде мои ласки и поцелуи явно понравились. Особенно, когда я целовал ее грудь и языком пытался разбудить ее нежные и такие упрямые сосочки! Но этот бес женского противоречия и гордыня богини ее терзали и рвали на куски. Богиня мне на ухо злобно шипела, всячески меня оскорбляла. Как змея подколодная, она все время пыталась меня побольней укусить, но отбиваться кулаками перестала! Целуя и лаская Эллиду, я на какое-то время забыло том, что она не просто женщина, а богиня небес Тринидада, не совладал с диким желанием и возбуждением и ею овладел.

Я тотчас же почувствовал, что даже несмотря на то, что эта наша встреча происходила только в моем сознании, в полной моей дремоте, тяжелое бремя ноши вдруг спало с моих плеч! Мы, я и Эллида, полностью обнаженными лежали на моем спальном месте в моей магической каюте, наслаждаясь нашей любовью, компанией друг друга! В какой-то момент Эллида повернулась ко мне и тихим нежным шепотком прошептала мне прямо в ухо:

– Если бы я только знала, что ты такой настырный и нетерпеливый, то вряд ли я сама пришла бы к тебе?!

– Тогда, моя любимая, ты мне подскажи, как я, простой человек, мог бы взбираться к тебе на тринидадские небеса?! Тогда я каждый вечер навещал бы тебя, чтобы ласкать и целовать!

– Чем обязательно привел бы в смущение весь сонм тринидадских богов и богинь! Итак, они за моей спиной постоянно шепчутся о том, что я занимаюсь любовью с человеком, с каким-то инопланетянином! Но они явно во всем этом ошибаются, так как не собираюсь у тебя идти на поводу. Так как я несколько иначе собираюсь решить нашу с тобой проблему встреч! А сейчас мне пора, Скар, вознестись на небеса, но почему-то мне очень хочется, чтобы ты меня поцеловал бы на прощанье!

Наше прощание несколько затянулось, так как моей богине захотелось познать все тайны и секреты прозаической человеческой любви. Когда я в каюте остался в полном одиночестве, то сам себе магией приготовил любимое кофе с молоком. К сожалению, я пока еще не в полной мере овладел своим магическим даром, так что кофе получилось не совсем таким, какого мне хотелось. Но, тем не менее, я его выпил, как вдруг вспомнил о предстоящей встрече с валенсийскими купцами. Морской хронометр на стене каюты показывал ровно девять часов пятьдесят пять минут, до встречи с купцами осталось всего лишь пять минут.

Этих минут мне вполне хватило на то, чтобы на плечи натянуть древнеримский хитон, взять обе шкатулки с флоринами, уложив их в небольшую плечевую сумку и покинуть свою магическую каюту.

На верхней палубе биремы «Весенняя Ласточка» я, как бы выколуپавшись из своего корабельного астрала, появился в тот момент, когда все четверо валенсийских купца вместе со своим нотариусом по сходням поднимались на бирему.

Майор Форенкульт, одетый во все черное – в черную рубашку, в черные рейтузы и в черные полусапоги, моих гостей встречал у адмиральского трапа. Я на долю секунды растерялся, так как, готовя бирему к такому торжественному событию, я на секунду отвлекся и допустил ошибку, только часть сходен превратил в адмиральский трап. Но еще оставалось время на то, чтобы небольшим прыжком с обезьяньими ужимками эти сходни прямо на глазах купцов, нотариуса и всей команды биремы превратить в адмиральский трап. Сходни как-то странно и непривычно встрепенулись, вытянулись в трап с цивилизованными перилами и ступеньками, покрытыми красной ковровой дорожкой.

Как только наши дорогие гости сошли с трапа и вступили на палубу биремы, то майор Форенкульт вытянулся в струнку. Голосом с металлическими нотками он обратился к четверым купчикам и к нотариусу, предварительно пожав им руки:

– Уважаемые господа, добро пожаловать на бирему «Весенняя Ласточка»! Капитан Скар, вас ожидает в кают-компании биремы!

Вы сами понимаете, что на этой лоханке и развалюшки никакой кают-компания пока еще не существовало. Тем более, что кают-компания в те времена пока еще не были даже изобретены и построены хотя бы на одном судне. Мне же еще вчера ночью пришлось немного потанцевать на верхней палубе в одной набедренной повязке, чтобы внести кое-какие изменения в палубную надстройку «Весенней Ласточки». В результате, кают компания на «Весенней Ласточке» все же появилась, но и она, как и моя капитанская каюта, была недоступна для простых матросов.

Своих гостей я уже встречал на ее пороге. По бокам от меня выстроились два чернокожих грума в зеленой ливрее, на ливреях имелась прекрасно исполненная золотыми нитками вышивка орланов. Как только мои гости перешагнули порог кают-компания, то я их поприветствовал крепким рукопожатием и широким жестом руки, приглашая рассаживаться за большой и круглый стол. Чернокожие грумы тут же принялись за свою работу по обслуживанию гостей, вежливыми голосами у них поинтересовавшись, что они желают выпить.

Не ожидая на полуразбитой биреме увидеть подобного помещения и подобного угощения, купцы слегка подрастерялись, на первых порах они себя повели довольно-таки осторожно. Я в их мыслях даже уловил некое сожаление по поводу своего согласия вернуть судовые документы на столь хорошее судно. Как только грумы по гостям разнесли заказанную ими выпивку, то я, не желая терять драгоценного времени, поднялся на ноги и своей магией как бы стимулировал свой голос. Гости же мою мыслеречь стали воспринимать, как нормальный человеческий голос.

– Уважаемые господа, мы с вами собрались в кают-компания «Весенней Ласточки» с тем, чтобы юридически оформить наши устные договоренности. Их привести в соответствии с требованием юриспруденции. Таким образом, мы договорились подписать договор о ремонте нашего судна, а также закрыть вопрос по украденным судовым документам.

После своей маленькой речи я из сумки достал и на стол перед собой выложил две шкатулки из орехового дерева. При этом одну из шкатулок я едва не уронил на пол. Мне захотелось гостям продемонстрировать, насколько каждая из шкатулок тяжела, будучи до краев заполнена золотыми флоринами.

Следующим после меня за дело принялся нотариус. Сначала он все свои бумаги вместе с очками разложил на столе перед собой. Затем он о чем-то коротко переговорил со своими купцами клиентами. И только после этого он поднялся на свои ноги, внимательно на меня посмотрел и сказал:

– Уважаемые господа, передо мной на столе разложены два экземпляров договора на ремонт биремы «Весенняя Ласточка». Шкипер Скар, вы готовы подписать это договор? Имеете ли вы право подписывать юридические документы по данной биреме?!

– Да, уважаемый нотариус! Я готов подписать договор и выплатить полагающийся аванс по этому договору! Что касается моих юридических прав и обязанностей, то позвольте вам представить следующий документ!

И с этими словами я ему протянул лист пергамента со многими печатями и штампами. С видимым удовольствием нотариус ознакомился с протоколом общего собрания экипажа биремы «Весенняя Ласточка». Собрание единогласно приняло решение о моем назначении шкипером биремы. В этом же протоколе со всеми необходимыми подписями и печатями также говорилось о том, что, став шкипером, я получил право подписывать любые юридические документы от имени и по поручению экипажа биремы. Я также получил полное право подписывать любой договор о купле-продаже самой биремы!

Этот протокол общего собрания экипажа биремы придумал и еще вчера подготовил мой старший помощник Борг. Сегодня утром этот документ я получил на руки, искренне удивившись тому, когда же Борг им занимался. Ведь, последний раз, когда я его видел, то он от меня демонстративно уплывал в океан.

Нотариус еще раз одобрительно покивал своей головой, прочитав документ.

– Да, господин шкипер, не забудьте этот документ приложить ко всем экземплярам договоров, подписанных обеими сторонами! А теперь, уважаемые господа приступим к подписанию данного договора!

Церемония подписания договора о ремонте биремы «Весенняя Ласточка» прошла, как по маслу, без единого сучка и задоринки! Подписав оба экземпляра договора, я валенсийским купцам пододвинул обе шкатулки с авансовым платежом – в тридцать три тысячи золотых флоринов.

После завершения этой церемонии, мы сразу же перешли ко второму вопросу. Нам нужно было до конца провести процесс возврата судовых документов на «Весеннюю Ласточку». Именно этот вопрос меня волновал наиболее всего! Первым делом сумму в десять тысяч флоринов я передал нотариусу. Он долго и нудно их пересчитал. Завершив пересчет денег, он ко мне обернулся и произнес:

– Любезный господин, вы мне еще должны выплатить десять процентов комиссии от совершаемой нами сделки!

Я в своей душе удивился подобному запросу с его стороны, но не стал его оспаривать, ведь сделки как таковой и не было. Так как между нами должен был пройти очень простой обмен документов при непосредственном его содействии. Но, опять-таки хорошо понимая, что в юриспруденции я полный лох, нотариусу я протянул тысячу золотых флоринов. Получив свои комиссионные, нотариус шкатулку с десятью тысячами флоринов оставил на столе, а сам отправился к одному из купцов по имени Антуан, чтобы у него забрать судовые бумаги на биремы. Он тщательно их перелистал. Затем он вернулся к своему месту, взял шкатулку с моими флоринами и ее отнес купцу Антуану.

Я же получил судовые документы на «Весеннюю Ласточку» и сразу же почувствовал, как у меня полегчало на душе!

Глава 4

1

Придворная магиня Ивонн де ля Рунж стояла у ворот лагеря, ожидая возвращения Повелителя из разведки. Она поступила так, как уже много столетий поступали замужние женщины Тринидада, выходя к калитке дома, чтобы встретить кормильца семьи, мужа, возвращающегося с охоты на дикого зверя. Только Омара Эль-Нассара придворная магиня встречала не у калитки их семейного дома, а у ворот военного лагеря. Весь день она была занята встречами с солдатами и офицерами, сбором информации обо всем, что происходило в этом лагере до их

появления. Но где-то в районе восьми часов вечера что-то внутри Ивонн де ля Рунж напомнило, отправляясь в разведку Омар Эль-Нассар ей сказал, что он вместе с Сандербергом планирует вернуться обратно в лагерь между восемью и девятью часами вечера. Она на секунду забежала к себе в палатку, водой всполоснула лицо, причесалась и решительно направилась к воротам, через которое Эль-Нассар и Сандерберг покинули лагерь.

Лейтенант Кимвелл расстарался, с сегодняшнего утра у всех ворот лагеря постоянно дежурили караул, не отходя от них ни на шаг. Когда караул у Северных ворот лагеря заметил приближающуюся к их воротам придворную магиню, то поначалу оцепенел, совершенно не понимая, с какой целью эта магиня к ним идет. С раннего утра, с самой пробудки все солдаты и офицеры лагеря только что и делали, что занимались обсуждением возвращения Повелителя в их лагерь вместе с придворной магиней. Не имея вообще какой-либо конкретной информации, связанной с этим возвращением, лагерь моментально стал дополняться слухами и вымыслами касательно взаимоотношений самого Повелителя с красавицей магиней. По крайней мере, простые солдатские умы решили, что, если они не женаты, то, наверняка, любовники. Иными словами, Ивонн де ля Рунж в самом лагере начала котироваться наиболее влиятельной особой в ближнем окружении Повелителя!

Поэтому теперь становится понятным, почему караул у лагерных ворот попросту оцепенел при виде приближающейся придворной магини. Старший караула, от греха подальше, своим парням приказал встать в шеренгу.

– Эй, вы, отморозки, а, ну ка, становитесь в шеренгу! Замрите, дышать начнете, когда я вам разрешу!

Когда Ивонн приблизилась к воротам, то она сразу же обратила внимание на замерший по стойке смирно караул. Каждый караульный имел косую сажень в плечах и ростом был под самое небо. Одним словом, битюг битюгом, на которых в деревнях пахали земли. Всего их было десять здоровенных парней. Вот только старший караула своей статью немного подвел, он был простым мужиком-крестьянином, обычного росточка. Некоторое время Ивонн де ля Рунж постояла перед шеренгой, всматриваясь в лица молодых сельских парней, отцами проданные в армию. Но так ничего не сказав отправилась за ворота. Там она опять-таки немного постояла, на этот раз взгляды в дорогу, но та была безлюдна. Тогда Ивонн подошла к одной из стоек ворот и, опершись на нее плечом, стала ожидать появления Омара Эль-Нассара.

Все это время своим поведением придворная магиня старалась держаться и себя вести таким образом, чтобы не или не напугать караульных. Честно говоря, в тот момент и сама Ивонна не понимала, какая сила ее заставило бросить работу и поспешить к этим лагерным воротам. Создалась ситуация, в которой самой магине не хотелось самой же признаваться в том, что что-то внутри, ей подсказало, что Омар Эль-Нассар скоро вернется и было бы хорошо его встретить у ворот. Когда эта мысль появилась в ее голове, то в тот момент она проводило первое ознакомительное занятие с разведчиками из полуэскадрона Сандерберга. Ивонн прямо в самой седине этого занятия к разведчикам вдруг обратилась со следующими словами:

– На сегодня мы отработали все, что я запланировала! Так что, парни, можете быть свободными!

Прервав занятие, Ивонн де ля Рунж отправилась в свою палатку, а затем уже пошла к воротам лагеря. В тот момент она пока еще полностью не осмысливала подобное свое намерение и саму себя повела, как другие женщины себя вели в подобных ситуациях. Ей попросту захотелось встретить Омара и ее ноги сами понеслись к воротам!

Ивонн де ля Рунж стояла, сложив руки на груди, плечом опершись на одну из стоек ворот. В тот момент у нее в голове не было ни одной мысли о делах, весь божий день ее мучавших. Все свои деловые мысли эта женщина оставила за воротами лагеря, словно о них забыла и не хотела вспоминать. В данный момент Ивонн наслаждалась ожиданием возвращения Омара

Эль-Нассара. Впервые она сама себя почувствовала просто женщиной, не обремененной государственными делами и вопросами.

Вскоре вдали на дороге показалось небольшое облачко пыли, которое с заметной скоростью приближалось к лагерю. Пока придворная магиня не видела всадников, кто поднял в воздух это облачко пыли. Слишком уж далеко от ворот было до этого облачка пыли. Но почему-то она хорошо знала, что это Омар Эль-Нассар и Сандерберг наперегонки друг с другом на своих единорогах спешат засветло вернуться в лагерь. И тогда придворная магиня, вторая по своей значимости чиновник султаната, себя снова повела, как простая женщина. Радостно улыбаясь, она вышла на середину дороги, свою правую руку подняла вверх и стала ею размахивать. Тем самым она приветствовала возвращение хозяина дома, Омара Эль-Нассара и младшего лейтенанта Сандерберга сопровождавшего Повелителя.

Не откладывая дела, возникшие после ночных разговоров с лейтенантом Кимвеллом и с придворной магиней, в долгий ящик, свое сегодняшнее утро Эль-Нассар решил посвятить рекогносцировке окружающей местности с целью поиска места для строительства нового лагеря. Нужно было бы срочно отыскать место для строительства нового базового лагеря и уже в нем заняться переформированием всех тел сил, что остались после командования капитана Мурильо. Он прислужнику, оставшемуся после Мурильо, приказал разыскать младшего лейтенанта Сандерберга. Когда тот появился в его палатке, то он у него поинтересовался:

– Лейтенант, не можешь ли ты мне поблизости показать те места, которые по твоему мнению, можно было бы использовать для строительства нового лагеря?!

– Таких мест в наличие имеется сколько угодно, сэр! Немало таких мест имеется в окрестностях, где можно было бы построить новый лагерь!

– Тогда седлай своего единорога, мы оба вместе отправляемся в дорогу! В течение этого дня ты мне покажешь только те места, где мы могли себе построить новый лагерь!

– Простите, сэр! А как же передовые дозоры и охрана! Чтобы все это организовать мне потребуется время! Так что в дорогу мы сможем отправиться не ранее полудня!

– Лейтенант, видимо, ты меня не совсем понял! Я же тебе только что сказал, что я и ты, только мы двое отправляемся в рекогносцировку и никого другого мы с собой брать не будем! Понимаешь, только ты и я, так что, лейтенант, седлай своего единорога и прямо сейчас мы отправляемся в дорогу!

Хорошо понимая, что с Повелителем не стоит и даже опасно спорить, младший лейтенант Сандерберг рысью побежал к коновязи, седлать своего единорога. Очень скоро два всадника на верховых единорогах через Северные ворота покинули просыпающийся лагерь.

Женщину у ворот лагеря, машущую поднятой верх рукой, Эль-Нассар увидел издали. Когда он эту женщину впервые заметил, то у него почему-то вдруг екнуло в сердце. До этого момента он вместе с Сандербергом развлекался скачками на перегонки на своих единорогах. Вся дорогу в течение всей рекогносцировки они неспешно беседовали просто о жизни. Только в тех местах, где по мнению лейтенанта, можно было бы построить лагерь, они переходили на деловой разговор. Чтобы слегка развеяться, возвращаясь в лагерь, они и устроили эти скачки наперегонки. Разумеется, явного победителя в этих скачках не оказалось.

Как только Повелитель на дороге увидел женскую фигуру, то сердце ему сразу же подсказало, кто это вышел его встречать?! Хотя, если уж честно признаваться, то Эль-Нассар от нее находился слишком далеко, чтобы в машущей рукой женщине узнать придворную магиню! Но Омар практически моментально догадался, опять-таки сердце ему подсказало, что Ивонн де ля Рунж его встречает у лагерных ворот!

От понимания одного того, что Ивонн де ля Рунж вышла к воротам лагеря, чтобы его встретить, у Эль-Нассара повысилось настроение! Он тут же повеселел, заулыбался и, прекратив скачки наперегонки с Сандербергом, себя повел, словно он снова стал сельским мальчишкой, издали увидевшего свою деревенскую зазнобу! Не извинившись перед Сандербергом,

Эль-Нассар неожиданно пришпорил своего единорога и, перейдя на галоп, стремглав понесся по дороге. Младший лейтенант Сандерберг не ожидал подомного поступка и не осознал причины его внезапно изменившегося поведения. Поэтому он тоже пришпорил своего скакуна, собираясь нагнать Повелителя. Но, когда и Сандерберг увидел женскую фигуру в проеме лагерьных ворот, то и до его лейтенантских мозгов дошла суть события, вершившегося на его глазах! Младший лейтенант сразу же слегка притормозил своего единорога с тем, чтобы соблюсти приличие и своим присутствием не подпортить встречу этих двух людей, мужчины и женщины!

Таким образом, младший лейтенант Сандерберг этого совершенно не хотел, но он все же стал свидетелем проявления глубоких чувств между встретившимися мужчиной и женщиной. Ему со стороны было хорошо видно, что в его Повелителе пока еще сохранились нормальные и простые человеческие чувства. Омар Эль-Нассар оказался бесконечно рад тому, что придворная магиня нашла время и вышла к воротам лагеря, чтобы его встретить. Сандерберг от своих приятелей немало слышал о том, что Повелитель после смерти своей жены много лет даже не посматривал в сторону женщин. Хотя все в султанате Гурам прекрасно знали о том, что стоило бы ему пошевелить или поманить своим пальчиком, то любая женщина начала бы регулярно согревать его постель!

В данном случае Эль-Нассара был не просто рад, он сильно разволновался одним уж тем, что Ивонн де ля Рунж, отбросив в сторону свои дела, вышла к лагерьным воротам лагеря, чтобы его встретить! Во время схватки не на жизнь, а на смерть с людьми в черном Омар Эль-Нассар вдруг сообразил, что в его новой после астрала жизни для него существуют две очень важные вещи! Он понял, что Координатор не успокоится, пока он или не погибнет, или не победит в борьбе с ним! Он также понял и то, что в его новой жизни появилась женщина, которая его уберегла от смерти. Незаметно для них обоих она начала становится его второй половиной, но пока еще не стала ему женой.

В тот момент Эль-Нассару очень хотелось на своем единороге лихо к ней подскочить и, подхватив ее на руки, усадить перед собой в седло единорога. Чтобы потом, мирно беседуя, они могли вместе проехать по центральной аллее лагеря до его палатки. Краем глаза, но Омар все же успел заметить, как вдруг застеснялся его спутник младший лейтенант Сандерберг. Он начал свои взгляды отводить в сторону, а также от него отставать, всеми силами стараясь, чтобы он с Ивонн встретился наедине и без свидетелей. Эль-Нассару не составило особо труда догадаться о том, что Сандерберг засмутился из-за его предстоящей встречи с придворной магиней. Поэтому этот лейтенант попросту не знает, как ему себя вести при этих обстоятельствах. Тогда Повелитель сам принял решение немного попридержать свои чувства, постараться их не демонстрировать на глазах других людей. Омар решил не делать того, чтобы могло бы окружающих его людей ввести в еще большее смущение.

Эль-Нассар на полном скаку выскочил из седла своего единорога и, удачно на ноги приземлился рядом с придворной магиней! Выпрямился, посмотрел ей в глаза и тогда до его сознания вдруг дошло, что по выходу из астрала и до сегодняшней рекогносцировки они каждый день с раннего утра и до ночи проводили вместе, ни на минуту не расставаясь! Этот день стал их первой короткой разлукой! Всего лишь десять часов они не видели друг друга, но эти десять часов разлуки как бы в новом свете высветили их чувства друг к другу. Они оба вместе вдруг почувствовали, что им друг без друга было не только скучно, но и пусто! Словно кто-то эти десять часов вырвал из жизни!

Когда они смотрели друг другу в глаза, то Эль-Нассар был уверен в том, что Ивонн де ля Рунж испытывает к нему аналогичные чувства! Подобное понимание сложившейся ситуации ему подсказало его же сердце, а также внутренняя интуиция мужчины.

В тот момент вся шеренга караула, все десять акселератов солдат, задрал головы к небу, его внимательно рассматривали. Возможно, они хотели подсчитать количество звезд на небосводе, но пока еще было светло, то занялись подсчетом облаков. Смело можно было бы утвер-

ждать, что весь этот десяток явно себя чувствовал не в своей тарелке. Парни, стоя в строю шеренги, переминались с ноги на ногу, щеки на их лицах покрылись багровым румянцем. Эти парни явно не знали, как им вести в присутствии монарха, как им дальше нести свою караульную службу. Ведь, стоящий и бывалый солдат не будет метать кости в присутствии Повелителя и его придворной магини! Они не смогут и свой молодняк погонять за дешевым пивом в соседнюю деревушку. Вот и приходится им стоять в шеренге, наподобие идиотов, истекающих потом в жарких лучах Желтого Карлика.

Сандерберг, подскакавший на своем единороге, успел вовремя и ловко подхватить поводья единорога Повелителя, самого его не потревожив. Младший лейтенант, придерживая в руках поводья единорога Эль-Нассара, неторопливой рысью проскакал в ворота. Правда, он успел своим здоровым кулачищем погрозить караульным солдатам, чтобы те себя вели, подобно агнцам на закланье! Не останавливаясь и нигде не задерживаясь, Сандерберг по центральной аллее лагеря поскакал к палаткам своего полуэскадрона.

Эль-Нассар и Ивонн Де ля Рунж продолжали стоять друг напротив друга, всматриваясь в глаза. Затем они, молча, развернулись и плечом к плечу по центральной аллее лагеря направились к палатке Повелителя.

Они неторопливо шли по центральной аллее лагеря, беседуя между собой негромкими голосами. Солдаты и офицеры, встречавшиеся им на пути, останавливаясь, замирали на месте, чтобы их обоим радостно поприветствовать, гулкими ударами своих кулаков по левой стороне груди. Эль-Нассар легкими кивками головы отвечал на подобные приветствия, продолжая беседовать со своей придворной магиней. Было хорошо заметно, что Повелитель и Ивонн де ля Рунж, они оба увлечены этой беседой.

Молодым же парням в солдатской форме очень нравилось одно уж то, что Повелитель находится рядом с ними, в одном и том же лагере!

2

К сожалению, солдатская молодежь, не знала и не могла знать о том, что придворная магиня своему Повелителю рассказывала о не очень приятных вещах. Поэтому, несмотря на то, что Омар постоянно улыбался, слушая негромкий голос придворной магини, она ему в это время перечисляла все те неприятности и проблемы, которые были выявлены в ходе ее сегодняшних общений с солдатами и офицерами этого лагеря.

– Понимаешь, Омар! – Говорила Ивонн де ля Рунж – Два года тому назад твоя Призрачная стража в военный лагерь по Нуаром прибыла двумя полнокровными полками, ее численность на тот момент составляла две тысячи хорошо вооруженных и хорошо обученных стражников! Словом, в те времена твоя Призрачная стража собой представляла мощную военную силу, с которой нельзя было бы не считаться и которую очень многие твои враги попросту боялись! К тому же она была своего рода подразделением специального назначения, то есть могла быть использована и как воинское подразделение, и как гражданская полиция! Капитан Мурильо за два года своего командования этим лагерем твою прославленную Призрачную стражу превратить в некое военизированное сборище то ли военнотружеников, то ли гражданских лиц! Командуют ими неизвестно откуда появившиеся офицеры! Ни один из офицеров, с которыми я сегодня побеседовала, мне так и не сумел представить ни единого документа, удостоверяющего их личность и в каком военном училище султаната они получили свое офицерское звание! Из двух тысяч стражников Призрачной стражи на сегодняшний день в лагере их осталось всего лишь сто пятьдесят три рядовых стражников, включая, семь унтер-офицеров! Двести семь солдат обучались на полицейских, но они свои программы обучения так до конца не прошли! Двенадцать офицеров от лейтенанта до капитана, но я им не доверяю, скажем, так, как доверяю лейтенанту Кимвеллу и младшему лейтенанту Сандербергу!

– Ивонн, что могло с ними произойти и куда подевались деревенские призывники! Я до сих пор помню, какую баснословную сумму флоринов из бюджета султаната я отвалил их отцам! Последняя информация, мною полученная от командования этого лагеря, говорила о том, что в лагерь прибыло примерно семисот сельских призывников! Мне еще в те времена некоторые чиновники, похваляясь своей работой в этом направлении, многообещающе говорил, что в скором времени наш султанат из деревенских призывников сформирует целую армию!

– Жаль, конечно, Омар, что этого чиновника нет в лагере, а не то я с ним поговорила бы и попросила бы вернуть те самые флорины! Нам они сейчас очень бы понадобились! Но все равно, я пока еще не понимаю, как у него двести призывников из сельской местности превратились в семисот?! Ну, да, бог с ним с этим твоим чиновником! Его обман тебя, Омар, ему когда-либо аукнется! Из двухсот человек можно было бы сформировать полк в две тысячи солдат? Все двести деревенских парней, как только весть о падении твоего замка-цитадели и о твоем исчезновении достигла лагеря, то на следующий день они разбежались по своим селам и домам! Командование лагеря и пальцем не пошевелило, чтобы их вернуть или задержать, оно само в тот момент собиралось в бега!

– Грустные вещи, Ивонн, ты мне рассказываешь! Но как же все-таки получилось так, что из двух тысяч верных мне воинов Призрачной стражи, осталась всего лишь малая горстка в сто пятьдесят человек?

В этот момент они подошли к палатке Повелитель, слуга Авгий, прислуживавший капитану Мурильо, встречал их входа, заранее приподняв ее полог. Кивком голову Эль-Нассар его поприветствовал и у него поинтересовался:

– Ну, а сегодня каким ты, Авгий, ужином нас угостишь!

– Ужинать, Повелитель, будешь тем же, что кашевары на ужин приготовили остальным солдатам и офицерам! Разваристая гречневая каша с маслом и рыба., две небольшие щуки. Их я сегодня поймал в лагерном пруду, сам разделал и поджарил на углях!

– Хорошо, я поужинаю немногим позже, Авгий! Мне нужно до ужина кое-что обсудить с Ивонн де ля Рунж! Не мог бы ты нам в столовую принести красного вина и два бокала!

Авгий умчался выполнять приказ своего нового хозяина. Ивонн же некоторое время изучающе всматривалась в лицо омара, а потом с некоторым сомнением в голосе поинтересовалась:

– Не хочешь ли ты, Омар, мне сказать, что этого Авгия ты решил оставить при себе?! Ведь он ...

– Да, Ивонн, я также, как и ты, хорошо знаю, что Авгий прислуживал капитану Мурильо! Что он может когда-то работал в Преисподней, но, если это даже и так, то он и там работал слугой, если судить по его поведению! Так что, Ивонн, подумав, я решил пока себе среди солдат лагеря не искать нового слуги, он останется при мне! Пусть солдаты обучаются своему ремеслу и воюют на поле боя! Я же пока буду пользоваться услугами Авгия! Он со мной ничего не сможет сделать, если и ты постоянно будешь рано находиться!

Они прошли в отгороженный угол палатке, где Эль-Нассар завтракал, обедал и ужинал. Они успели сесть за стол, накрытый белой и без единого пятнышка скатертью, когда Авгий принес плетеную бутылку красного вина и два бокала. В одно мгновение слуга вином наполовину наполнил бокалы своего мессира и госпожи придворной магини, после чего исчез. Сделав первый глоток вина, Омар Эль-Нассар задумчиво посмотрел в лицо женщины, сидевшей за столом напротив его и проговорил:

– Вино не супер, но оно не плохое! Ты уж сама попробуй и реши, будешь ли или не будешь его пить?! – После небольшой паузы он поинтересовался. – Надеюсь, Ивонн, ты сегодня вместе со мной поужинаешь?!

– Анастасия, мне что-то особенное приготовила! Мне не хотелось бы ее обижать своим невниманием!

– Ивонн, прекрати, так не говори! Ты же сама превосходно знаешь, об этом знает и весь лагерь, что только лейтенант Сандерберг своим невниманием может обидеть твою Анастасию! Об этом на каждом лагерном углу судачат!

– Ну, и пускай судачат! Я не верю всяким там слухам, которые каждый день рождаются и умирают!

– Хорошо, Ивонн! Я тебе предлагаю вернуться к нашему разговору!

– Твоя Призрачная стража, Омар, сражалась с противником, она просто без боя не сдавалась своему противнику! Стражники сражались бесстрашно и умело, нанося одно за другим поражения войскам Координатора! И сам он этим обстоятельством был очень сильно раздражен и обеспокоен! Но пока Координатор не убедился в том, что с Призрачной стражей его войскам не справиться, и военного лагеря под Нуаром с громадными арсеналами ему не взять, вот тогда в самом лагере и объявился лейтенант Мурильо!

В ходе возникшей паузы они оба сделали по маленькому глотку вина. После этого глотка по лицу придворной магини пробежала тень неудовольствия. Ивонн де ля Рунж свой бокал с недопитым красным вином решительно отставила в сторону. Омар Эль-Нассал успел сделать еще один глоток этого солдатского вина, ожидая, когда придворная магиня возобновит свой рассказ.

– Я до сих пор пока еще не выяснила, каким образом этому лейтенанту удалось одурачить Совет воинов этого лагеря и стать его капитаном?! Но вынуждена сказать, что, став во главе гарнизона лагеря, капитан Мурильо повел собственную политику! Бои с войсками Координатора все еще продолжались, но они перестали быть успешными! То есть сами эти бои продолжались, но стражники в них начали нести огромные потери! К тому же в сам лагерь перестала поступать хоть какая-либо информация извне! Таким образом, создалась ситуация, стали чаще погибать стражники в том или в другом бою, но совершенно отсутствовала информация о сам бое, а также о том, с кем и как стражники сражались?! Почему в том или ином бою погибло так много стражников?!

– На то она и война, чтобы забирать жизни солдат! Для этого мы их обучаем хорошо владеть оружием, умело сражаться с врагом народа или государства! – С глубокой грустью в голосе проговорил Эль-Нассар. – Но я все-таки не верю тому, что за эти два года командования Мурильо, погибли все стражники моей Призрачной стражи?! Как ты сама, Ивонн, говорила, что их все же было два полка, две тысячи стражников!

– Так-то оно так, Омар! – Согласилась Ивонн де ля Рунж. – Но все дело было в том, что подразделения и боевые группы Призрачной стражи, чуть ли не каждый день покидали лагерь, уходя на боевые задания! Сначала они регулярно и с громкими победами возвращались в лагерь! Но, как только капитан Мурильо стал командующим гарнизона лагеря, то в лагере началась непонятная кутерьма с уходом и с возвращением стражников с боевых заданий! Понимаешь, Омар, и такую грязную игру капитан Мурильо проводил целых два года! Первым делом, став командующим гарнизона лагеря, он засекретил всю информацию, имевшую отношение к боевым заданиям! Подобная секретность ему позволяла манипулировать человеческими жизнями, в том числе и жизнями стражников, ни перед кем не отчитываясь! Более того через своих людишек он принялся организовывать и проводить целые кампании травли и гонений по отношению ко всем офицерам, недовольным его командованием! За короткий срок он сумел избавиться, изгнав из лагеря, всех офицеров Призрачной стражи, а также всех честных и добропорядочных офицеров! Из-за постоянной травли и гонений с его стороны многие офицеры вместе со своими подразделениями сами покинули лагерь! Таким образом, каждым день работая в одном только направлении, капитан этот лагерь зачистил от добропорядочных офицеров и унтер-офицеров!

– Ивонн, ты мне рассказываешь страшные вещи?! Но, почему тогда простые солдаты на все происходящее перед их глазами никак не реагировали?!

– Твои воины и солдаты, Омар, оказались в очень тяжелом положении! Когда их общее количество уменьшилось, то на них начали оказывать внешнее психологическое воздействие! Оказавшись под таким воздействием, они попросту не замечали и не обращали внимание, что общая численность солдат и офицеров в этом лагере, постоянно снижается! К этому хочу добавить, что если судить по бумагам и переписки, найденным у капитана Мурильо в личном архиве, то он начал готовиться к полной ликвидации всего этого лагеря! Твое, Омар, появление в этом лагере и разоблачение капитана Мурильо поставили большой крест на его планах!

– После допроса капитана Мурильо, ты, Ивонн, нам рассказала о том, что ему было запрещено принимать решения! Так, кто же был его проводником, за него принимавший решения? И где бы он сейчас мог бы прятаться?!

– Пока еще не знаю, Омар! За один день невозможно переделать все дела! Пока я бессильна определить его местонахождение! И не мог бы ты мне сказать, что именно ты собираешься делать, когда узнал, что твоей Призрачной стражи больше не существует?!

– Работать, Ивонн! Я собираюсь продолжить работу по формированию своей новой армии, чтобы было бы чем противостоять Координатору! Как я сейчас понимаю, заново воссоздать Призрачную стражу мне вряд ли удастся! На это потребуются многие годы! Столько времени в своем распоряжении я имею сегодня не имею! Так что мне придется поработать над чем-либо попроще! С завтрашнего дня вместе с тобой, с лейтенантами Кимвеллом и Сандербергом приступаю к формированию своего первого полка новой армии! В него я должен привлечь всех желающих сражаться с агрессором, оккупировавшим мой султанат!

Эль-Нассар снова сделал глоток вина из своего бокала и предложил Ивонн:

– Оставайся и со мной поужинай!

Дождавшись утвердительного кивка головой магини, он негромким голосом произнес:

– Авгий, подавай на стол свою рассыпчатую гречневую кашу!

Пока слуга сервировал стол и приносил серебряные миски с кашей, Эль-Нассар углубился в свои мысли. Он по инерции продолжал размышлять над своим ответом на вопрос Ивонн, чем же он будет дальше заниматься?! Он ей дал ответ, в котором сам до конца не был уверен. Так как постепенно выясняется, что в настоящий момент он оказался у разбитого корыта. Все, что дела в годы свое правления в султанате Гурам оказалось разрушенным, испорченным или попросту забытыми. Перед отъездом на рекогносцировку он к лейтенанту Кимвеллу обратился с просьбой, за один день попытаться разработать план, как можно было бы из разрозненных и деморализованных подразделений, оставшихся в лагере, сформировать хотя бы один полк?! Пока он еще не встречался с Кимвеллом и не знал его ответа на свой вопрос, но сердцем чувствовал, что дела у лейтенанта также не очень хороши, как и у его Ивонн!

– Омар, что ты думаешь о назначении младшего лейтенанта Сандерберга командиром конной разведки?

– В принципе, Сандерберг очень смысленный сержант, он вырос до того, чтобы стать офицером-командиром! Так что я одобряю твой выбор, Ивонн! Со временем он мне и тебе станет хорошим и надежным помощником! Очень надеюсь также и на то, что в мое отсутствие Кимвелл сумел разобраться со всей неразберихой, творящейся в лагере! Возможно, уже завтра мы сможем приступить к формированию первого и дееспособного подразделения нашей новой армии?!

– Думаю, Омар, что нам не стоит в этом лагере задерживаться до завтра. Враг не дремлет и, наверняка, до него уже дошла информация о твоём возвращении в лагерь! А также о том, что капитана Мурильо больше не существует! Так что нам было бы лучше подумать о том, как можно быстрее его покинуть?! Между прочим, Омар, как прошла ваша рекогносцировка?!

– Удачно, Ивонн! Я ж тебе говорил о том, что Сандерберг смысленный парень! Сегодня он мне показал все наиболее удобные места для строительства нового базового лагеря! Во время этой разведки в моей голове родилась мысль о том, почему бы нам одновременно не построить

два лагеря, расположенных в разных местах! Они оба могут стать нашими базовыми лагерями. Мы же сможем пользоваться и тем, и другим в зависимости от складывающейся обстановки! Одним словом, я постараюсь за ночь прийти к окончательному решению в отношении того, как мы станем ими пользоваться в окончательном варианте! Так что, Ивонн, я с тобой согласен, завтра мы должны покинуть этот лагерь, ничего здесь не оставив!

– Омар, мне кажется, это правильное решение, что ты решил покинуть этот лагерь, а также правильно начал решать вопрос со строительством второго резервного лагеря! Обладания обоими лагерями, во многих делах нам попросту развяжет руки!

– Ивонн, надеюсь, что ты понимаешь, что это хитрый и умный Сандерберг мне предложил построить второй лагерь для отвлечения внимания нашего противника! Так что ты ему, а не мне должна петь свои дифирамбы!

– Но и сам ты, Омар, достоин похвалы! Ты быстро решаешь такие сложные вопросы, как скажем, наш переезд в другой лагерь! А что же будет с теми людьми, которые, услышав о твоём возвращении, начнут тебя разыскивать! Разыскивая тебя, Омар, они первым делом придут сюда, в этот лагерь!

– Это во многом зависит от того, как Кимвелл справится с этой задачей! В том случае, если все пройдет именно так, как я думаю, то тогда я его назначу командиром своего первого полка и сделаю капитаном! Что же касается солдат и офицеров. Которые примутся меня разыскивать в этом лагере, то мы с Сандербергом договорились о том, что он из своего полуэскадрона выделит десяток конных разведчиков! Они будут встречать возвращенцев и им объяснять, где нас можно было бы разыскать!

– Замечательная идея, Омар! Надеюсь, что она принадлежит одному только тебе!

– Не ершишь, Ивонн? На тебя это не похоже! Ты женщина иного склада! Скажи мне честно, ты это сама придумала, заняться полевой и агентурными разведками?

– Все дело в том, Омар, что на данный момент рядом с тобой нет человека, который мог бы заняться всем этим кругом вопросов, а это организация агентурных сетей для сбора развединформации! Если Сандерберг неплохо справляется с полевой разведкой, то он плохо разбирается в принципах работы с агентурной разведкой!

– Ну, что ж, Ивонн, ты и в этом вопросе права! Одним словом, я согласен, чтобы ты занялась организацией нашей разведки.

В этот момент в столовой появился Авгий, тихим голосом на ухо Повелителя он сообщил, что лейтенант Кимвелл у него просит аудиенции.

– Приглашай, мы с ним переговорим прямо в столовой! Только ты, Авгий, эти миски с кашей убери и принеси еще один бокал для вина! – Эль-Нассар попросил слугу.

Тем временем придворная магиня Ивонн Дея Рунж неслышно поднялась из-за стола и отошла в глубь столовой и там с удобством расположилась в кресле.

Вошедший Кимвелл остановился в трех шагах от стола и совсем собрался Повелителю начать рапортовать о работе, проделанной им за день. Но Омар Эль-Нассар его остановил и жестом руки пригласил лейтенанта усаиваться за столом рядом с ним. Он решил беседу с лейтенантом провести в неформальной обстановке.

Кимвелл, особо не останавливаясь на деталях, принялся рассказывать о том, что под рукой капитана Мурильо в лагере начал собираться всякий сброд – предатели, дезертиры, мародеры и всякие там уклонисты от воинской службы. Мурильо всех их прикрывал, не посылал на боевые задания и бесплатно кормил за счет других солдат, но в ответ от них требовал слежку и донос на солдат и офицеров, оставшихся верными Повелителю.

– Повелитель, мне удалось солдат, оставшихся верными тебе, отделить от этого капитанского сброда! Мне удалось их на скорую руку организовать, так что завтра двумя колоннами по сто пятьдесят солдат в каждой, мы сможем покинуть территорию этого лагеря-ловушки!

3

Выслушав рапорт лейтенанта Кимвелла, Эль-Нассар его и младшего лейтенанта Сандерберга пригласил вместе с собой поужинать. Авгий разыскал и в столовую привел Сандерберга. К мужской компании присоединилась и придворная магиня Ивонн де ля Рунж. Когда на ужин Авгий снова подал миску с разогретой гречневой кашей, то она фыркнула и миску с кашей решительно отодвинула в сторону, решив ограничиться спелой грушей. Мужчины же с явным удовольствием поглощали гречневую кашу, время от времени ее запивая солдатским красным вином. При этом за едой они много не разговаривали, все свое внимание уделяя каше и вину.

Сразу же после ужина Кимвелл отправился в канцелярию лагеря писать приказы на формирование походных колонн, а также о новых назначениях и о перемещениях по должностям среди унтер-офицерского состава. В любой армии всегда имеется кто-то, кто любит и умеет заниматься бумажной работой. В нашем же случае лейтенант Кимвелл, став командиром гарнизона лагеря, не имел время на то, чтобы в свой штаб подыскать писарей. Поэтому сегодня ночью этой писаниной он был вынужден сам заняться.

Ивонн де ля Рунж так и не позволила младшему лейтенанту Сандербергу тут же скрыться, как только окончился ужин у Повелителя. Она его перехватила на самом выходе из палатки, цепкой рукой ухватив за рукав его гимнастерки.

– Лейтенант, что в твоём полуэскадроне появился новый солдат?

Сандерберг остановился, удивленно с высоты своего роста посмотрел на маленькую придворную магиню.

– Мэм, этим своим вопросом вы меня чрезвычайно удивили! Да, сегодня один из моих унтер-офицеров меня попросил ему разрешить еще одного солдата зачислить в его неполный десяток! Но, что могло вас в нем заинтересовать?! – Поинтересовался здоровяк Сандерберг.

– Да все, лейтенант, что касается этого твоего добровольца! Кто или что он такое?! Откуда он вдруг объявился в твоём полуэскадроне?! И не забывай, лейтенант, что ты командуешь полуэскадронам разведчиков! Поэтому всегда ты должен быть начеку, чтобы не происходило бы в твоём подразделении!

– Да, вы правы, мэм! У меня в эскадроне служат одни только те ребята, которых я сам отбирал и которым я полностью доверяю! Но, что касается этого парня-добровольца, то я его не отбирал! Зато я хорошо знаю и полностью доверяю тому унтер-офицеру, который этого парня ко мне привел! Увидев этого задохлика, я решил, что так и быть пусть он у нас послужит, будет во всем помогать моим солдатам! Но вот почему-то верховые единороги его опасаются и близко к себе не подпускают! Насколько я информирован тот унтер-офицер его собирается сделать кашеваром своего десятка!

– Ну, вот, Сандерберг, а ты мне говорил, что ничего об этом новом парне не знаешь! Мне же многое о нем рассказал, о человеке, которого раз видел в своей жизни, ты мне предоставил очень много интересной информации! После такого интересного рассказа мне даже захотелось с ним встретиться и познакомиться с этим твоим задохликом!

– Не поздновато ли, мэм?!

– Да, может быть, и немного поздно?! – Ивонн повернулась к Омару Эль-Нассару, все еще продолжающего сидеть за столом, так как спать ему не хотелось – Омар, как ты помотришь на то, если ко мне тут приведут одного молодого солдата, с ним хочу познакомиться!

– Ивонн, если этот разговор с солдатом тебе так нужен, то, давай, зови его ко мне в палатку! Мы оба с ним познакомимся и, конечно, поговорим об его солдатской службе! – Произнес Эль-Нассар, с улыбкой посмотрев на свою неугомонную магиню Ивонн де ля Рунж.

– Лейтенант, не был бы ты столь любезен, сходить за этим своим пареньком-добровольцем?! – Ивонн тут же обратилась с просьбой, более похожий на приказ, к Сандербергу.

Пожав недоуменно плечами и, ничего больше не сказав магине в ответ, Сандерберг собрался покинуть палатку Повелителя и отправиться в казарму своего полуэскадрона, распо-

ложенную у Западных ворот лагеря. В тот момент его головной мозг был попросту перегружен мыслями о завтрашнем дне. Его полуэскадрону предстояло наладить охрану во время движения обеих походных колонн, покидающих лагерь. Так что младший лейтенант Сандерберг не заметил того, как магиня Ивонн де ля Рунж своим перстами его перекрестила и, словно невзначай, левой рукой коснулась его правого плеча.

В ожидании возвращения Сандерберга вместе с солдатом, Эль-Нассар решил немного поработать с топографической картой, еще раз пройти по маршрутам, которыми каждая из колонн будет передвигаться к местам строительства новых лагерей. Но прежде чем он сел за свой рабочий стол, ему пришлось подождать, пока Ивонн де ля Рунж его не освободит. Магиня на его столе расставила и зажгла четыре свечи, расставленные аккуратным ромбом. Кончиками пальцев обеих рук она пробежалась по его поверхности и только, проделав эту свою работу, она Эль-Нассару разрешила расположиться за столом, чтобы на нем поработать.

– Омар, давай, договоримся, что ты этих свечей своими руками ты не будешь касаться или трогать! Ни в коем случае своими руками не поправляй язычки пламени этих свечей и не переставляй их с места на место! – Попросила Ивонн де ля Рунж. – Эти свечи я поставила на столе, только ради твоей безопасности!

– Как скажешь, дорогая! – Машинально ответил Эль-Нассар, он уже погрузился в работу с этой топографической картой.

Омар, продолжая работать с топографической картой, даже и не заметил, как вдруг изменилось лицо его придворной магини после того, как он машинально произнес слово «дорогая»! Ивонн неподвижной каменной статуей замерла за его спиной. С понятным ей волнением и со слезами в глазах, она наблюдала за тем, как этот мужчина, рядом с которым она провела вот уже два года, наконец-то, ее назвал «дорогой»! Тем временем Омар Эль-Нассар, расставляя точки грифелем карандаша, на карте помечал маршрут следования обеих походных колонн.

Не раз и не два раза в жизни Ивонн знакомые и незнакомые мужчины к ней обращались этим, казалось бы, совершенно нейтральным словом «дорогая». Но только что в голосе Омара Эль-Нассара прозвучала глубокая мужская уверенность в том, что она всегда будет рядом с ним! Это понимание до глубины души потрясло Ивонн де ля Рунж, так как ей самой этого тоже очень хотелось! Но магине так и не удалось в полной мере насладиться своими вдруг проснувшимися чувствами, как за опущенным пологом палатки послышался зычный голос младшего лейтенанта Сандерберга:

– Караульные, этот солдат моего полуэскадрона вместе со мной он должен пройти в палатку Повелителя! Этот солдат приглашен на беседу самой придворной магиней!

Прежде чем разрешить Сандербергу вместе с солдатом пройти в штабную палатку, Ивонн де ля Рунж еще раз внимательно осмотрела ее помещение. Она снова проверила правильность расстановки свечей на рабочем столе Повелителя. Когда Ивонн совсем уже собралась разрешить младшему лейтенанту вместе со своим солдатом пройти в палатку, то она внезапно о чем-то вдруг вспомнила. Негромко хлопнув себя ладонью по лбу, магиня со спины тихими шагами подошла к Эль-Нассару, все еще продолжавшему работать с картой.

Из кармана платья она достала и на голову Повелителя осторожно накинула шапочку, составленную из нескольких тонких серебряных цепочек. Омар продолжал так увлеченно работать с топографической картой, что он и этого тоже не заметил, даже своей головы не повернул в ее сторону. Одним словом, в данный момент Эль-Нассар снова себя повел, как обычно женатые мужчины себя ведут в аналогичных ситуациях, заниматься своим любимым делом и во всем остальном полагаясь на любимую жену! Рукой проверяя, эти серебряные цепочки не заметны ли в седине шевелюры волос Повелителя, Ивонн де ля Рунж вдруг заходило крепко к нему прижаться и его расцеловать. Но ей удалось сдержаться, слегка придавить это так не вовремя вспыхнувшее чувство любви и нежности к Повелителю. Тихими, крадущи-

мися шагами она от него отошла, направляясь к выходу из палатки. Магине вдруг захотелось сначала взглянуть на солдата, прежде чем его приглашать в палатку к Повелителю.

Сразу же за ее порогом Ивонн де ля Рунж наткнулась на здоровяка Сандерберга, в свете факелов охраны палатки он магине показался настоящим великаном. Рядом с ним стоял, придушившись, молодой солдат, он был невысокого роста, ни капельки жира в его теле не было. Как говорится, одна кожа и кости и никакой человеческой плоти! Одним словом, этот солдатик своим лицом, своим телосложением на магину не произвел особого впечатления! На фоне здоровяка Сандерберга солдат выглядел самым настоящим мозгляком, задохликом.

В нем не было ничего страшного или запугивающего. Он стоял и жмурился от яркого света факелов. Эти факелы были в руках бойцов охраны Повелителя. Они со всех сторон плотным кольцом окружили младшего лейтенанта и его солдата. Почему-то солдаты-караульные не доверяли этому солдатику, пришедшему вместе с Сандербергом! Да и Ивонн де ля Рунж что-то не понравилось в том, как этот солдат жмурился на свет факелов!

– Хорошенько его обыщите! А затем пропустите в палатку! Повелитель хочет задать ему пару вопросов! – Приказала придворная магиня.

Сама Ивонн так и не ушла в палатку. Стоя рядом с Сандербергом, она с величайшим любопытством наблюдала за тем, как караульные обыскивали солдатика. Если не считать ножа для резки мяса, они ничего опасного на нем так и не нашли. Внутренне Ивонн де ля Рунж начала самой себе удивляться, так как не понимала, почему она столько внимания уделяет этому невзрачному солдатику?! С ним только одно было непонятно, откуда и с какой целью он вдруг появился в лагере?

Еще раз посмотрев на этого мозгляка, в нем так и не ощутив какой-либо магической силы, Ивонн де ля Рунж решила с ним беседу все же провести в присутствии Повелителя. Отдернув полог палатки, она сказала, обращаясь к Сандербергу:

– Проходи! Ты только своих глаз с этого мозгляка не спускай!

Переступив порог палатки, солдатик снова был вынужден сильно прищуриться, на этот раз из-за яркого света свечей, расставленных по всему помещению палатки. Ивонн сразу же обратила внимание на то, как этот мозгляк всеми силами старается, как можно было бы подальше держаться от света всех этих свечей. При этом он эти свои старания тщательно скрывал от людей, присутствовавших в палатке. Старался держаться густой тени, свои глаза подальше прятать от света свечей, освещавших это помещение. Но младший лейтенант Сандерберг, видимо, не угадал его намерений и желаний. Он попросту или по-начальственному своим пудовым кулачищем этого паренька полегоньку подтолкнул, желая его заставить двигаться побыстрее. В результате, этот толчок здоровяка Сандерберга рукой для дохляка стал мощнейшим ударом в спину. Этого жалкого парнишку в солдатской форме прямо-таки вынесло в круг света от свечей, расставленных Ивонн де ля Рунж на столе Повелителя.

В тот момент Эль-Нассар все еще продолжал заниматься своей любимой работой, занимаясь топографической картой. Возможно, Повелитель не обратил бы своего внимания на то, что происходило за его спиной, если бы не эта возня и тихий шепот окружающих. Он выпрямился и медленно развернулся всем своим телом. Увидел, как внезапно Ивонн де ля Рунж, стоявшая неподалеку от него, вдруг закрыла глаза и неподвижно замерла у порога. В тот момент она выглядела женщиной, напрочь отключившейся от окружающего мира.

В этот момент Сандерберг к нему обратился своим громогласным голосом:

– Повелитель, позволь тебе представить рядового Сутеха! Ты не будешь возражать, если придворная магиня побеседует с этим солдатом в твоём присутствии?!

Омар свой взгляд перевел на рядового Сутеха. Этого взгляда ему вполне хватило, чтобы сообразить, что этот Сутех ему был совсем не интересен!

– Да вы уж тут располагайтесь! Беседуйте себе на здоровье! Вы своей беседой мне ничем не помешаете! – Сказал Эль-Нассар.

Он совсем собрался вернуться за свою работу, но по какой-то причине не мог этого сделать. Какая-то сила его заставляла остановила, не позволила двинуться с места. Он так и остался сидеть в пол-оборота ко всем людям, собравшимся в этом помещении палатки. К тому же Повелитель вдруг почувствовал, как что-то чужое извне пытается проникнуть ему в голову. На память Эль-Нассару тут же пришла схватка в его замке, когда в бой вступил поморский шаман. Тогда он первым же делом попытался проникнуть в его сознание. Но вмешалась Ивонн де ля Рунж, она этого поморского шамана остановила, а затем своей магией его уничтожила. Но в тот момент поморский шаман находился прямо перед ним. Сейчас же Эль-Нассар себе и представить не мог, кто именно из окружающих его людей пытается проникнуть в его сознание?!

В этот момент доброхот Сандерберг нравоучительно проговорил:

– Будь почтителен, молокосос! На тебя смотрит сам Повелитель! Тебе же самому незачем пялиться ему в глаза! Склони голову, и будь послушен!

– Нет, этот молокосос не может быть злейшим врагом! – Подумал Эль-Нассар.

Он уже с трудом переключил свое внимание на Сандерберга. Тот, как бы сержантом, так и по-сержантски продолжал себя вести со своим несуразным солдатом. Волей-неволей Эль-Нассар продолжал смотреть в глаза Сутеха. В его голове вдруг начала биться мысль о том, что перед собой он все же видит своего врага, проводника капитана Мурильо! Этот солдатик был одет в простую, но очень грязную одежду. Под замызганной и битой кирасой просматривалась грязная домотканая рубаха, на нем были простые домотканые порты, заправленные в чуни. На поясе слева висел знаменитый гладиус, но у этого парня этот меч почему-то был ржавым.

Если бы в штабной палатке, помимо Эль-Нассара, Сандерберга и Ивонн де ля Рунж, находился бы еще один независимый наблюдатель, то он, наверняка, обратил бы внимание на то, что рядовой Сутех все время своего пребывания в штабной палатке Повелителя оставался спокойным, уверенным в себе человеком! Он ничуть не разволновался даже присутствием самого Повелителя! Единственное, что обескураживало этого юнца, так это был свет свечей со стола Повелителя. Сутех хотел бы хотя бы на один шаг отойти подальше от этого проклятого света.

Магиня Ивонн де ля Рунж, если судить по ее поведению, была чем-то очень сильно напугана! Находясь в этом помещении, она пока еще не произнесла ни единого слова. Все это время Ивонн де ля Рунж была занята тем, что одно за другим читала свои заклинания. Омар Эль-Нассар, по-прежнему, не мог вернуться к своей работе с картой. Он самого себя чувствовал все хуже и хуже, слишком много сил он потерял в борьбе с этим змеем, пытающимся проникнуть ему в голову. Эль-Нассар пока еще не сменил своей позы, продолжая стоять в пол-оборота к этому странному солдату и к своим друзьям.

В этот момент глаза Сутеха вдруг начали оживать, в них загорелись удивительно красивые золотистые искорки огонька. Эти искорки принялись отплясывать весьма ритмичный и экзотичный танец. Эль-Нассар вдруг захотел потанцевать вместе с этими искорками. Но у стола его, по-прежнему, продолжала удерживать непонятная сила. Временами он ощущал, как порой эта сила ослабевает. В этот момент в помещении начало происходить что-то очень непонятное. Где-то вдруг послышался щелчок пальцами, притяжение глаз Сутеха сразу же пропало.

Повелитель пока еще не понимал всей сути событий, происходящих в этом помещении. Он вдруг услышал громогласный голос младшего лейтенанта Сандерберга. Тот, полагая, что начало беседы Сутеха с Повелителем слишком уж, по его мнению, затянулось, решил проявить солдатскую инициативу. Сандерберг обратился к своему солдату с вопросом:

– Может быть, ты сам, рядовой Сутех, расскажешь нашему Повелителю о том, что собой на деле представлял капитан Мурильо?

Восстановив равновесие души, нарушенное непонятной притягательностью солдатских глаз, Эль-Нассар утвердительно кивнул головой, как бы подтверждая, что и его интересует

ответ на этот вопрос. Сандерберг же пошел дальше в своем желании ускорить начало беседы. Он снова, по-дружески, хлопнул по плечу своего солдата Сутеха, желая этим хлопком его как бы подтолкнуть к началу разговора. Но едва ли не сразу же после этого дружески-командирского подталкивания, в помещении вдруг прозвучал незнакомый голос с повелительными интонациями:

– Вы что, слабые презренные человечки, себе позволяете? Как вы можете так себя вести по отношению ко мне? Я уважаемый гость в этом вашем мире! Вы меня должны поприветствовать, опустившись на колени и склонив головы! Так как я в сравнении с вами являюсь высшим существом!

– Кто ты на самом деле и почему себя называешь высшим существом? –

Тут в палатке прозвучал второй голос, на этот раз это был голос придворной магини Ивонн де ля Рунж.

– Какое твое настоящее имя?

– Ты, женщина, не имеешь права в моем присутствии поднимать голос и мне задавать вопросы! Но принимая во внимание твою магическую силу, я тебе отвечу! Я – дух лжи и обмана! И мое имя вам должно быть известным!

– Какое отношение ты, Сутех, имел к капитану Мурильо? С какой целью ты появился в моем полуэскадроне? – Небрежно поинтересовался Сандерберг.

Эль-Нассар обратил внимание на то, что Сандерберг несколько не удивился тому, как заговорил рядовой солдат его полуэскадрона. Он словно заранее знал о том, во что может вылиться встреча и беседа с Сутехом.

– Удивительные вы создания, людишки?! Сколько раз вам можно говорить, что в вашей компании меня интересует только один человек! Вы же не позволяете мне его своей магией забрать для личной беседы с Арбакасом! На все ваши вопросы я попросту не уполномочен отвечать. Но попробую ответить хотя бы на один из трех вопросов! Давайте, поговорим о капитане Мурильо?! Вы уже знаете, что он голем, выполнял одни только мои приказы! Арбакас его создал только для того, чтобы он уничтожил бы Призрачную стражу. В принципе, капитан Мурильо свою задачу выполнил, за малым исключением. Он не успел на тот свет отправить лейтенанта Кимвелла и младшего лейтенанта Сандерберга с их полуэскадронам.

Произнося эти слова, Сутех вдруг начал раздаваться в плечах, все его тело начало увеличиваться в объеме. Череп головы вдруг затрещал и начал расходиться по швам. Таким образом, голова Сутеха начала превращаться в незнамо что! За спиной духа лжи и обмана, появились два больших черных крыла, ставшие продолжением его рук. Когда превращение было закончено, то в штабной палатке вместо солдата Сутеха на его месте стоял дух лжи и обмана Сутех. Этот дух внешне был безобразен, на его плечах покоилась громадная голова лягушки, а тело стало чем-то напоминать Сфинкса. Руки и ноги, благодаря многочисленным суставам, могли изгибаться в любую сторону.

Сандербергу пришлось слегка потесниться, чтобы не прикасаться своим плечом к Сутеху, к духу и монстру Преисподней! Ивонн де ля Рунж продолжала находиться рядом с Повелителем. На ее застывшем в гримасе лице продолжали шевелиться одни только губы. Она все еще продолжала читать и произносить одно заклинание за другим.

Взмахнув правой рукой-крылом, бывший солдат, а ныне дух Преисподней, Сутех протянул руку в сторону Эль-Нассара, проговорил:

– Омар Эль-Нассар, хочу до тебя довести приговор архонта Арбакаса. Он тебя вместе с каким-то Скарсом приговорил к смерти! В настоящий момент у меня нет слуги, так что мне самому придется приговор архонта Арбакаса приводить в исполнение!

Произнося эти слова, Сутех, дух лжи и обмана, к своей правой руке, начал подтягивать и левую руку. Он, видимо, собирался воспользоваться своим колдовством. Омар Эль-Нассар, все еще стоя, наблюдал за всем, что происходило в помещении его палатки, за передвижениями

этого духа Преисподней. По тому, как он театрально красиво, церемонно произносил приговор, протягивал к нему свои руки-крылья, Повелитель догадался о том, что этот демон готовится к нанесению мощного магического по нему удара. Но Сутех так и не успел выровнять обе свои руки, как получил мощнейший удар солдатским кулаком в свое правое ухо. Сандерберг слишком много лет провел в армии, чтобы к этому времени научиться не теряться, ни при каких ситуациях, ни при каких обстоятельствах! Его кулачище практически без размаха так жестко врезалось в ухо демона восьмого чина Преисподней, что Сутех совершил кувырок влево через голову. Он распростерся на полу в самом дальнем углу палатки.

До глубины души потрясенный таким, казалось бы, слишком простым исходом дела, Эль-Нассар хотел было сделать шаг, чтобы подойти и пожать руку мужественного младшего лейтенанта Сандербергу! Но Сандерберг к этому моменту не оказался на своем прежнем месте. Сутех сумел быстро восстановиться после его удара кулаком. Поднявшись на ноги, он тут же нанес лейтенанту мощный ответный удар рукой-крылом. Удар демона был хорошо просчитан, тело младшего лейтенанта поднялось в воздух и стремительно понеслось к выходу из палатки.

Взглядом глаз Эль-Нассар успел-таки проследить за полетом тела Сандерберга. Оно по воздуху пронеслось над тем место, где только что стояла Ивонн де ля Рунж, читая свои заклинания. К моменту возникновения драки лейтенанта с демоном, магини там уже не было, она куда-то исчезла.

Внезапно полог палатки распахнулся, на ее пороге появились первые караульные. Услышав хлесткие звуки драки, они рванули в палатку спасать своего Повелителя. В этот момент в их строй и врезалось тело мужественного Сандерберга. Он, словно шар в кегельбане, снес их с ног. На входе тотчас же образовалась самая настоящая ребячья куча-мала. В результате, караульные задержались и теперь они никак не успевали заняться спасением своего Повелителя.

Сутех, слегка прихрамывая на левую ногу, начал медленно приближаться к Эль-Нассару, все еще продолжающему стоять столбом у края стола. Непонятная сила его снова пригвоздила к тому же самому месту, не позволяя ему и шага шагнуть в сторону от стола. Сутех же вместо того, чтобы сию же минуту прикончить свою жертву, решил немного с ней поболтать:

– Итак, Омар Эль-Нассар, случилось то, о чем я мечтал последние два года. Мы, наконец-то, встретились и можем поговорить друг с другом о нашей жизни, о доме и о женах! Ну, ты, как и я, снова не женился, остался верен своей давно погибшей жене, родившую тебе дочь красавицу! Когда я ее встретил ей было шестнадцать, сегодня ей восемнадцать, и она прекрасна! Но навряд ли она, встретившись с тобой, тебя узнает, Омар!

В этот момент Эль-Нассар явственно ощутил, как постепенно окаменевают его тело и конечности, руки и ноги. Сначала он перестал ощущать свои ноги, затем окаменели его руки ... В нем до последней минуты яростно билось сердце, совсем не желая останавливаться! Эль-Нассар пока еще слышал голос Сутеха и неплохо понимал, что тот ему говорит. Почему-то в этот момент, когда Сутех говорил о Зульфие, на ум Повелителя пришла мысль о том, что в древние времена люди Сутехом называли одно падшее божество, сегодня они о его существовании совсем забыли. Эль-Нассар не испытывал страха перед своей приближающейся смертью. Но тем не менее, с каждой минутой ему становилось все более и более интересным его слушать. Особенно ему понравился его рассказ о Зульфие, если судить по словам демона, то получалось, что его дочь не погибла! Его сердце радостно забилося, даруя Повелителю еще десять минут жизни.

За эти десять драгоценных минут своей жизни Эль-Нассар успел узнать о том, что на Тринидаде появилась третья сила, пытающаяся всю власть на этой планете забрать в свои руки. Преисподняя была вынуждена мобилизовать свои силы для того чтобы отбить нападение неизвестно откуда появившихся чародеев и магов. Им удалось себе подчинить даже некоторых высших иерархов тринидадской Преисподней. Инопланетная третья сила вступила в войну с высшими божествами планеты за передел всего мироздания Тринидада!

Сутех своим языком был готов трепаться до бесконечности, выкладывая полуокаменевшему Эль-Нассару тайны и секреты архонта Арбакаса! Но в какой-то момент, перед Сутехом внезапно возникла Ивонн Де Ля Рунж. Она взмахнула своими руками. Четыре острых меча сорвались с горящих свеч, своими острыми клинками они пронзили сердце и головной мозг демона лжи и обмана. Сутех широко раскрыл свой лягушачий рот, издал громкий крик-воплъ отчаяния, но он тут же начал таять, рассыпаться в вдруг образовавшемся сумраке в помещении палатки Эль-Нассара.

Глава 5

1

Поздним вечером этого же дня, когда все тревоги и волнения по поводу переезда всего экипажа биремы на постоянный двор, остались позади, я вдруг самого себя почувствовал не в своей тарелке! Я оказался в непонятном мне состоянии, как бы в пустоте. Немногим ранее матросы то и дело забегали ко мне в номер с различными вопросами. Теперь же я вдруг оказался никому не нужен, сижу на диване и смотрю в окно от нечего делать. К этому времени все матросы подвое или потрое были расселены в номерах гостиницы постоянного двора. Их покормили хорошим ужином, поджаренным куском ветчины с картошкой, после восьми вечера они были предоставлены самим себе. Я тоже был предоставлен самому себе, то есть стал как бы никому не нужен!

Старпом Борг, нарушая пока еще не установившиеся традиции нашего содружества, в этот вечер он так и не появился в моем номере. Мы с ним должны были бы обсудить наши дела и проблемы на завтрашний день. Иными словами, мой старпом, забыв о моем существовании, продолжал отсыпаться после своего загула в порту Валенсии.

Тогда в моей голове родилась блестящая идея – полезное совместить с приятным. Я решил покинуть постоянный двор, немного прогуляться по Валенсии, желая познакомиться с этим небольшим портовым городишком, куда всех нас забросил океан и сама судьба. После прогулки по городу можно было бы где-нибудь на стороне поужинать. Приняв это решение, я по лестнице спустился на первый этаж гостиницы и вышел на двор. Поблизости я не видел ни одного матроса из экипажа биремы. Видимо, все они разошлись по своим номерам, отдохнуть после бурно проведенной ночи и суматохи переезда. Я никого не увидел и не встретил из прислуги постоянного двора, так его и покинул никем не замеченным.

Валенсия мне понравилась с первого же взгляда, в таком городке можно было бы жить и детей рожать! Он был не очень большим городишком с населением всего лишь в шестьдесят тысяч жителей. У города было всего лишь две главных улицы. Одна из них пролегла вдоль побережья океана и называлась Портовой. Другая была к Портовой расположена прямо перпендикулярно, она спускалась с гор, окружавших Валенсию. Естественно, эта улица называлась Горной. От этих двух главных улиц отходило великое множество малых улочек и переулков. На Портовой улице находилась главная достопримечательность этого города – порт! На этой улице было расположено множество портовых кабаков, таверн, трактиров и борделей с красными фонарями. Причем Портовая улица совсем не имела жилых домов, на ней были расположены одни только служебные портовые и городские здания, а также, как я уже говорил, и увеселительные заведения для моряков, только что сошедших на берег с прибывших в валенсийский порт судов.

На Горной улице аккуратными рядами выстроились жилые семейные дома валенсийцев, в основном они были одно или двухэтажными. В нижней части этой улицы проживал беднейший и средний класс людей Валенсии. Чем выше Горная улица поднималась в гору, тем богаче становились дома и семьи, в них проживавшие!

Но обо всем этом я, разумеется, потихоньку узнавал по мере продолжения своей прогулки по этому красивому городку.

Совершенно случайно оказалась, что наш постоянный двор оказался расположен на перекрестке Портовой и Горной улиц. Через полуоткрытые ворота постоянного двора я вышел на Горную улицу и сразу же по ней стал подниматься в горы. Чем дальше я шел и выше поднимался, тем улица становилась чище и более красивее! Дома, выстроившиеся по обеим сторонам этой улицы, становились больше и выше. Совершенно исчезли одноэтажные дома, а каждый двухэтажный дом имел великолепный палисад, поросший декоративным кустарником, а также парой другой плодовых деревьев.

Одним словом, чем выше я поднимался по Горной улице, то постоянно увеличивалась достаток домов, стоявших по ее сторонам. В настоящий момент мне перестали встречаться двухэтажные дома, да и просвет между этими домами постоянно рос и увеличивался. Когда появились первые ограды и заборы, то за ними прятались уже не простые дом, а настоящие дома-особняки, принадлежащие высшему классу города, реальным богачам. В этом месте Горная улица начинала извиваться, чтобы уже змеей ползти по горам, обступившим Валенсию.

Мне очень хотелось пройти до конца Горной улицы, чтобы на ней отыскать такое место, с которого можно было бы взглянуть на Валенсию с высоты птичьего полета. Поэтому меня мало волновали те красивейшие строения, произведения архитектурного зодчества, которые декоративными кустарниками или искусственно высаженными деревьями свои богатые фасады скрывали от взоров простого городского люда.

Как только я свернул на улицу-змею, то был окликнут одним из городских стражников, патрулировавшего по улице. Я успел по ней сделать всего лишь пару шагов, как услышал:

– Эй, ты полуголый раб, с какой целью ты в этом районе города появился?

Для вечерней прогулки по городу я оделся вполне прилично, на плечах у меня была та же самая древнеримская туника с красной каймой по подолу, перетянутая на животе пояском, и легкие сандалии на ногах. Видимо, этот городской стражник забыл о том, что подобным образом одевались одни только древнеримские сенаторы и из-за сандалий на ногах меня принял за раба. Я ему вежливо возразил.

– Я не раб, ты глубоко ошибаешься по этому вопросу, господин стражник!

– Ты, раб и только раб! Так что мне еще поговори, и я тебе покажу, где раки зимуют! Можешь договориться до того, что я выбью все твои зубы! Как раб, ты не имеешь права посещать этот район Валенсии! Так что убирайся отсюда по добру по здорову и как можно быстрее, раб паршивый! Повторяю, что бродягам и рабам в этом районе города делать нечего! – Продолжал на своем настаивать городской странник, собираясь своей ржавой алебардой уколоть меня в живот.

Если судить по состоянию его сознания, то спорить с этим стражником было явно бесполезным делом! Уж очень ему хотелось в тот момент с кем-либо повздорить и применить свою алебарду, чтобы продемонстрировать свое умение и навыки владения алебардой! Убедившись в том, что с этим стражником придурком было бесполезно разговаривать или его в чем-то переубеждать, я, молча, развернулся и зашагал вниз по Горной улице обратно к океану.

Несмотря на свою мимолетную стычку со стражником, настроение у меня, по-прежнему, оставалось хорошим. Повторяю, Валенсия все больше и больше мне нравилась, мне понравились и ее горожане. Перед ужином многие из них семейными парами высыпали на улицы прогуляться, подышать свежим океанским воздухом перед ужином! Горожане с некоторым удивлением, но в большинстве своем на меня доброжелательно поглядывали, покачивая головами. Они охотно со мной здоровались интересовались состоянием моего здоровья. На все их вопросы я был вынужден отвечать мыслеречью, но всегда предварительно убеждал их в том, что все они будто бы слышат мой голос. В искрометных разговорах, в обменах приветствиями с ними я тут же убеждался в том, что они прекрасно слышат и понимают мои мысли! Горожане охотно приходили мне на помощь, когда я к ним обращался с просьбой подсказать обратную

дорогу к океану. Они со мной продолжали разговаривать даже и в тех случаях, когда я им задавал глупейшие вопросы об их жизни в Валенсии.

Когда я, в конце концов, снова оказался на перекрестке Портовой и Горной улиц, снова увидел свой постоянный дом, то уже начало темнеть, вечер вступал в свои права. На постоянный двор я решил не заходить, а на Портовой улице поискать себе таверну, где мог бы поужинать.

Идя по Портовой улице, я часто останавливался у причалов, выстроившихся в ряд на берегу, чтобы полюбоваться океанскими судами, к ним пришвартованным. К слову сказать, судов в валенсийском порту оказалось не так уж много! Оба суда-зерновоза уже покинули порт вместе со старой триерой. У причалов в основном остались рыбацкие баркасы и быстроходные почтовые галеры и триеры. Но даже сейчас было заметно, что работа в порту ни на минуту не прекращалась, она прямо-таки кипела. Немногие суда разгружались, а одно даже загружалось живым скотом. Я видел, как ударно работают валенсийские докеры. Бриз с океана нес сильные запахи морской свежести и бодрости, этот аромат изредка перебивался йодистым запахом морских водорослей, гниющих во многих местах, разбросанных по океанскому берегу.

Еще немного пройдясь по Портовой улице, я увидел вывеску, изображающую улыбающегося повара с белым колпаком на голове и со сковородой жаркого в руках. Мне очень понравилась улыбка этого повара, может быть, по этой причине я решил поужинать в этой таверне.

Переступив ее порог, я тут же оказался в большом обеденном зале, освещаемый несколькими свечами, а также отблесками света из громадного очага, выступавшего из стены едва ли не до середины обеденного зала. Целая туша лесного лося или быка, насаженного на вертел, медленно вращалась в очаге. Языки пламени, поднимаясь от дров, лизали и подлизывали эту тушу, на весь зал распространяя аромат хорошо прожаренного мяса. Видимо, десять часов вечера в валенсийском порту не считалась слишком уж поздним временем для жарки целой туши в то время, когда только пара столиков в таверне была заняты посетителями, остальные столики пока еще пустовали. Они на меня не обратили ни малейшего внимания. Головами, пригнувшись друг к другу, они беседовали о чем-то о своем.

Но только я собрался отправиться к одному из столиков, чтобы за ним поужинать, чем бог пошлет, как мне дорогу преградил внушительных размеров человек. Мне пока еще ни разу не приходилось бывать в подобных портовых тавернах.

– Куда прешь, мужик? – Он вежливо, но угрожающе поинтересовался. – В нашем заведении принимают и обслуживают только благородных людей!

Честно говоря, мне было трудно поверить словам этого местного вышибалы. Ведь, если судить по одежде и манере поведения тех посетителей за двумя столиками, то их вряд ли можно было бы отнести к категории приличных людей. Если людей с такими лицами встречаешь на неосвещенной городской улице, то было бы лучше сразу же из карманов доставать свой кошелек и особенно перед ними не выкобениваться!

– Наши посетители и клиенты платят только полновесными флоринами! – Вышибала продолжал мне убежденно врать. – Если тебе хочется глотнуть дешевенького пивка или перекусить на скорую руку, то я могу тебе посоветовать посетить одно такое дешевое место! Оно находится прямо их за углом нашей таверны!

В тот момент я начал и сам догадываться о том, что это вышибала, наверняка, меня попутал с безденежным босяком, по ошибке забредшего в его таверну. Он в этом ошибся в основном из-за, что на мне был древнеримский сенаторский хитон и я был обут в легкие сандалии на босу ногу. А на моей голове пристроился непонятный тюрбан. На бандюгах же, несмотря на их профессию убийц, были некое подобие камзолов, а на ногах были сапоги.

В этот момент вышибала, снова меня осмотрев с головы до ног, продолжил свою заумную речь, сказав:

– Да и к тому же в нашей таверне не принято обслуживать полуголых рабов!

– Я не раб! – Спокойно я ему ответил мыслеречью, из-за чего он, этот плечистый здоровяк едва не подпрыгнул до потолка таверны. – Что же касается одежды, то, возможно, ты в чем-то прав! –

Я сделал шаг в сторону, мысленно воссоздал мыслеобраз средневекового камзола с золотым шитьем и с черными атласными шальварами в обтяжку, а также полусапожек, тюркского типа. Всего лишь мгновение спустя, перед вышибалой снова я стоял, но уже преобразенный в новый образ. Я стал молодым и очень богатым дворянином, одетым в хорошую одежду, пошитую из богатой ткани, и со шпагой на поясе.

Последние мозги из головы этого местного вышибалы выбила моя мыслеречь, а также мое мгновенное преобразование в благопристойного дворянина. Он столбняком постоял несколько мгновений и, попуская меня, растеряно и широко развел своими руками, а также низким поклоном в пояс меня приглашая пройти к любому свободному столику в зале харчевни.

Я прошел к столику, стоявшему неподалеку от очага. Меня почему-то немного знобило и мне захотелось тепла от этого ароматного очага. Только ради своего интереса, проходя между столиками, я своим мысленным щупом прошелся по мозгам одной из пар посетителей таверны. Ничего особо интересного в этих мозгах я так и не нашупал. Видимо, перед моим появлением эти двое договаривались кого-то прощупать, но я не успел разобраться в самой сути, планируемой ими операции по прощупыванию. К тому же мое внезапное преобразование в молодого дворянина отвлекло их внимание, они тут же принялись более внимательно ко мне присматриваться.

Как я уже говорил посетителей в таверне было не так уж много, но две подносицы крутились и бегали по залу, словно они были заводными куклами. Они по залу разносили подносы с двумя или тремя блюдами, на чаше заставленного кружками с пивом или бутылками с местным кислым вином. Причем посетители мужского пола часто проявляли свой мужской интерес к обладательницам женских прелестей, ладонями их добродушно похлопывая по тому, что находилось ниже спины, ласково пощипывая девчонок за бедра. Обе девчонки, видимо, уже привыкли к подобным знакам внимания и уважения со стороны мужчин посетителей. Они обе или вовсе на эти знаки уважения не реагировали или же ловко от них уворачивались.

Как только я расположился за столиком, ко мне тут же подлетела одна из девчонок подносиц. Я сразу же обратил внимание на то, что она была до неприличия красива! Чертами своего лица, манерой себя держать и просто своей походкой – эта девчонка мне явно кого-то напоминала?! Но, как бы я не старался напрячь свои мозги и вспомнить, кого же она мне напоминает, у меня ничего не получалось. Но эти тонкие аристократичные черты лица, стройная фигура, грациозные движения тела и рук – все это, повторяю, было мне очень хорошо знакомо.

– Чего изволите заказать, милсударь? – Быстрой скороговоркой поинтересовалась девчонка, нижними зубками прикусывая верхнюю губку.

Ее грудное контральто заставило меня вздрогнуть всем телом, уж слишком оно напоминало мне тональность голос Эллиды, моей любимой ночной богини. Более внимательно присмотревшись к этой девчонке, я, наконец-то, догадался, что она мне напоминает мою Эллиду. Все в ней, ее фигура, лицо и голос были точной копией Эллиды, они могли принадлежать только ей одной! Но вот ее неприкрытая холодность, подчеркнутая вежливость в общении со мной, меня останавливали, мне не позволяли эту простую тринидадскую дуреху принять за земное воплощение богини Эллиды!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.